

ЕЛЕНА КОМАРОВА
ЮЛИЯ ЛУЦЕНКО

АДВОКАТ

ВАМПИРА

РАБОТА С РИСКОМ ДЛЯ ЖИЗНИ

RED. Фэнтези

Елена Комарова
Адвокат вампира

«ЭКСМО»

2023

Комарова Е.

Адвокат вампира / Е. Комарова — «Эксмо», 2023 — (RED.
Фэнтези)

ISBN 978-5-04-180484-8

Высший свет Лондона давно не видел такого блестящего кавалера, а юный вампир – свободы и развлечений, которые только может предложить общество. Но уважаемые викторианцы в ужасе – ночами по улицам колесит неуловимая карета, чей возница сеет смерть. Остановить убийцу способен только тот, кто сам когда-то наводил ужас на огромный театр. Бывший Призрак Оперы теперь – в команде опытного охотника на вампиров профессора Ван Хельсинга и его помощника, Джонатана Харкера. Вместе они расследуют череду таинственных смертей. Но что будет, если в игру вступит граф, чье имя стараются не называть? Граф, некогда оставивший в Англии кровавый след? Что бы он ни задумал, ему понадобится адвокат. Адвокат вампира. Комментарий Редакции: Роман, как улыбка вампира – его пугающий и вместе с тем привлекательно-обаятельный оскал заманит в свои сети любого охотника до разгадывания мистических загадок.

ISBN 978-5-04-180484-8

© Комарова Е., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Часть первая. Гость из Трансильвании	6
Глава 1. Странное существо	6
Глава 2. Неожиданные встречи	9
Глава 3. Новая жертва	18
Глава 4. Работа с риском для жизни	26
Глава 5. Ирен наносит визиты	36
Глава 6. Столкновение	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Елена Комарова, Юлия Луценко

Адвокат вампира

Художественное оформление: Редакция Eksmo Digital (RED)

В коллаже на обложке использованы фотографии:

© kotoffei, powerofforever / iStock / Getty Images Plus / GettyImages.ru

* * *

Часть первая. Гость из Трансильвании

Глава 1. Странное существо

Временами казалось, что солнце в Лондоне просто не светит никогда. Днем оно скрывалось то за мрачно-свинцовыми тучами, то за плотной пеленой тумана, и луна отражалась в хлюпающих под колесами лужах гораздо чаще дневного светила. С закатом жизнь в этой части города замирала. Местные жители предпочитали уют и безопасность за надежно закрытыми дверьми и плотно закрытыми ставнями, не торопясь открывать на стук: джентльмену вряд ли придет в голову нанести неожиданный визит в поздний час.

Полнолуние миновало три дня назад, но бледно-желтый диск еще оставался достаточно большим и ярким, чтобы освещать блестящие после недавнего дождя камни мостовой. По темному небу пробегали облака, то и дело закрывая луну и погружая улицу в кромешный мрак, неохотно отступавший от света фонарей. Даже самому отважному человеку, случись ему оказаться на этой улице в такое время, стало бы неуютно.

Кэб свернул за угол, проехал немного и остановился, выпуская единственного пассажира. Деньги перешли из рук в руки, короткий обмен фразами – и возница тронул поводья.

Пассажир, светловолосый молодой человек, проводил взглядом удаляющийся экипаж, натянул перчатки и, подняв воротник пальто, быстро зашагал вдоль улицы по направлению к одинокому дому.

Вблизи дом выглядел респектабельно, и в нем ощущался даже своеобразный шарм. Который час? Пришлось расстегивать пальто и лезть в карман жилета за часами, но не успел молодой человек рассмотреть, куда указывают стрелки, как за его спиной послышались шаги. Чиркнула спичка, пламя, коротко зашипев, разогнало темноту и отразилось в круглых стекляшках очков.

– Профессор? Кажется, я заставил вас ждать? – виновато произнес молодой человек.

– Всего пять минут, – успокоил его тот, кого он назвал профессором. Это был мужчина неопределенного возраста: возможно, старше пятидесяти, но явно моложе шестидесяти, крепко сложенный и энергичный, в длинном пальто и широкополой шляпе, такой полезной в последние дни, когда мелкие дожди взяли город в осаду. Протянув руку, он уже коснулся дверного молотка и замер. – Вы не слышите ничего странного, Джонатан?

Молодой человек по имени Джонатан склонил голову, прислушиваясь. Он понял, что имел в виду профессор: его слуха тоже коснулся далекий протяжный вой.

– Бродячий пес?

– Нет, это не пес.

– Тогда волк. Опять сбежал из зоологического сада, – вздохнул молодой человек и постучал в дверь.

Им открыли почти мгновенно. Стоявший на пороге пожилой джентльмен окинул гостей пытливым взглядом.

– Доброй ночи, мистер Перкинс, – профессор снял шляпу и слегка поклонился. – Я профессор Абрахам Ван Хельсинг, а это мой помощник, мистер Джонатан Харкер.

– Доброй ночи, господа! – сказал хозяин. – Входите же скорее!

В доме было тепло. Передав прислуге верхнюю одежду, гости проследовали за хозяином в уютную залу, освещенную пламенем камина и единственным газовым рожком.

– Хересу? Или, – мистер Перкинс сделал паузу, – бренди?

Профессор Ван Хельсинг и Джонатан переглянулись, и молодой человек решительно покачал головой.

– С вашего разрешения, мы хотели бы сначала побеседовать о деле.

...Беседа заняла почти час. Но вот договоренности достигнуты, скреплены подписями и рукопожатиями, и бутылка отличного бренди на каминной полке дождалась наконец своего часа.

– Я подготовлю все необходимые бумаги завтра к полудню, – сказал Джонатан на прощание и протянул мистеру Перкинсу визитную карточку: «Хельсинг и Харкер. Юридические консультации широкого профиля».

– Буду ждать вас к обеду, – сказал хозяин и пожелал всех благ.

Говорят, в Лондоне погода меняется по десять раз на день, но чередует лишь оттенки мерзостности. За то время, что они провели у мистера Перкинса, стало ощутимо холоднее, а сырость превратилась в настоящую пытку. Профессор и его молодой помощник поспешили к стоянке кэбов, ибо сама мысль о том, чтобы идти до дома пешком, наводила ужас.

– Скучное дело, – буркнул профессор Ван Хельсинг на ходу.

– Раньше мне гораздо чаще доводилось выполнять куда менее вдохновляющие задания, – возразил Джонатан. – А здесь всего несколько часов работы за неплохое вознаграждение, еще немного – и можно будет снять отдельное помещение под контору.

– Меня вполне устраивает прием клиентов дома, – поморщился Ван Хельсинг.

– Зато это не устраивает миссис Тернер, – напомнил помощник. – Не так давно она намекнула, что еще парочка визитов господ, подобных мистеру Эдвардсу, и нас попросят съехать.

Ван Хельсинг не ответил.

Ждать пришлось недолго, уже через минуту до них донесся стук копыт, и из-за угла появился столь желанный двухместный хэнсомовский кэб, запряженный бодро переступающим серым мерином.

– Эй, господа, не найдется ли у вас пары шиллингов для ветерана Трансваальской кампании? – услышали компаньоны скрипучий голос. Его обладатель был явно не в ладах с английским, да и собственным языком ворочал не слишком уверенно.

Но прежде чем они ответили – отказом ли, сочувствием ли, – снова выглянувшая из-за облака луна осветила просителя: почти полностью скрывающую лицо буйную растительность, заостренные уши, горящие глаза с вертикальными зрачками и грубые желтые когти на корявых, будто изломанных болезнью пальцах. Монстр ухмыльнулся, наслаждаясь произведенным впечатлением, и прыгнул.

Когти прошили пальто, распарывая толстую ткань, как легкую кисею, сталкивая жертву на землю и на волосок не дотянувшись до живой плоти, – чудом Джонатану Харкеру удалось уклониться. Раздался выстрел, и нападавшего отбросило назад.

– Джонатан, вы целы? – Ван Хельсинг опустил на колено рядом, не сводя с твари дымящегося револьвера. Скрючившаяся фигура тихо зарычала, подобралась и снова прыгнула. Профессор выстрелил второй раз, но невероятным образом чудовище уже в воздухе изменило направление прыжка, и пуля, едва задев его, чиркнула о каменную стену. Приземлившись на все четыре лапы, монстр ловко перекатился через плечо, поднялся на ноги, рыча. Одетая в старый потрепанный костюм неразличимого уже цвета, эта тварь выглядела омерзительной помесью зверя и человека, насмешкой природы. Мгновение полузверь смотрел на них, а потом, резко повернувшись, бросился прочь.

– За ним! – азартно приказал Ван Хельсинг.

Все случилось в считанные мгновения, кэбмен не успел ни испугаться, ни выругаться, ни в спешке уехать. Двое поздних пассажиров на ходу вскочили в его экипаж, младший сунул ему в руку соевен, старший указал в направлении быстро удаляющейся тени. Не задавая вопросов, возница хлестнул вожжами, и кэб сорвался с места.

Монстр петлял, как огромный уродливый заяц, преследуемый гончими. Несколько раз он подпрыгивал, пытаясь уцепиться за карниз, но все время срывался, рыча от боли и негодо-

вания, – пуля не слишком навредила твари, не задела жизненно важных органов, но все же ослабила.

Кэб несся следом, насколько позволяли его маневренность и лошадиная прыть. Расстояние сокращалось. Казалось, еще немного – и преследователи настигнут свою цель. Ван Хельсинг щелкнул барабаном револьвера и довольно усмехнулся.

Выстрел оставил выбоину в камне там, где всего секунду назад была голова чудовища, следующий заставил зверя с визгом поджать лапу. Но затем, собрав все силы, сжавшись в комок, зверь прыгнул с места вверх и все же ухватился передними лапами за край стены. Отчаянно извиваясь всем телом, скрежеща по камню, почти падая и чудом преодолевая дюймы, он вскарабкался и тяжело перевалился через край.

Кэб затормозил, выпуская пассажиров. Джонатан Харкер подбежал к стене, задрал голову – ему на миг привиделись два пылающих злобой огня в цельном сгустке мрака – и сжал зубы. Ван Хельсинг опустил на корточки и достал спички. На грязной мостовой растекались капли густой алой крови, и он аккуратно промокнул лужу платком, сложил тряпицу и спрятал обратно в карман.

– Вы уверены, что он вас не ранил, Джонатан? – спросил Ван Хельсинг. – Зубы этой твари могут быть не менее опасны, чем укусы носферату.

– Нет, я цел, – ответил помощник. – Это человек или зверь?

– И то, и другое. Зверь, обладающий разумом и жестокостью человека, или человек с силой и кровожадностью зверя. Выбирайте, что вам больше по душе.

Джонатан провел рукой по изорванному пальто, и его запоздало передернуло.

– Обычно они не появляются в городе, – продолжил профессор. – Их вотчина – леса и пустоши. Разве что... кто-то его сюда привез. Приручил.

– Приручил? – Харкер поморщился. – Этот... это существо в качестве домашнего питомца – крайне эксцентричный выбор, вы не находите?

– Возвращаемся домой, – скомандовал Ван Хельсинг. – И знаете, друг мой, у меня дурное предчувствие...

Словно в подтверждение его слов, где-то вдали вновь раздался вой, в котором звериная боль соединялась с человеческой ненавистью.

Глава 2. Неожиданные встречи

Прием был в самом разгаре, а кареты все прибывали и прибывали. Лакеи в горячке метались между гостями, шампанское томилось в ведерках со льдом, гул голосов отражался от зеркал, зрительно увеличивавших и без того огромный зал, и поднимался к высоким потолкам с позолоченной лепниной. Дамы сверкали бриллиантами, как райские птички, кавалеры в своих черных фраках и белых манишках напоминали пингвинов. По крайней мере, именно пингвины пришли на ум Ирен Адлер, когда она, подхватив с проплывавшего мимо подноса бокал, прокладывала себе дорогу к небольшой группе, окружившей леди Аскот, хозяйку вечера.

Леди Аскот, урожденной Мари Дюваль, в этом году исполнилось двадцать восемь. Злые языки утверждали, что полковник Аскот женился на девушке не из своего круга по причине прогрессирующего склероза (полковнику перевалило за семьдесят), что она годится в дочери его младшему сыну, и «помяните мое слово, душечка, она уморит старика через месяц». Прошло пять лет, и стараниями леди Аскот и благодаря состоянию ее мужа приемы в их доме стали украшением лондонского высшего общества. Получив приглашение, не явиться в назначенный день и час можно было только по причине собственной безвременной кончины, все остальные отговорки в расчет не шли.

Ирен принимали в доме леди Аскот. И сразу по прибытии в Лондон она нанесла визит в особняк на Парк-Лейн – возобновить знакомство и послушать сплетни о том, какие ветра нынче дуют в свете.

Покидая Англию немногим более года назад, Ирен Адлер не задумывалась о возможном возвращении. Она позволила эмоциям взять верх над разумом и купила в агентстве Ллойда билет в один конец до Нью-Йорка. Из Соединенных Штатов Америки она сперва собиралась уехать в Канаду, но передумала и вернулась в Европу. Сентябрь застал ее на Лазурном берегу Франции, октябрь она провела на озере Комо, а наступление ноября встретила в Вене. Именно в партере Венской Оперы, наведя бинокль на оркестр – действие на сцене навевало скуку, – она поняла, что пора в Лондон. Незаметно для нее время залечило душевные раны, а может, не время тому было причиной, а ее собственный легкий нрав. Вдруг ей отчаянно захотелось встретить Рождество в Англии, и чтобы непременно нарядить елку до потолка, и за окном чтобы шел снег, впрочем, кого она обманывает, снег в Лондоне на Рождество – такая же диковинка, как экспонаты Кунсткамеры в Санкт-Петербурге.

Оставив позади почти всех «пингвинов», Ирен задержалась на несколько секунд, чтобы ответить на приветствие какой-то пары – он с напомаженными редкими волосами и она в вульгарном оранжевом платье. Их фамилия вертелась в голове, но так и не вспомнилась окончательно, впрочем, на ослепительности улыбки временная потеря памяти никак не отразилась. Запив шампанским эту встречу, Ирен посмотрела по сторонам, ища, куда пристроить пустой бокал, и поймала чужой взгляд.

Юноша, почти мальчик, стоял у стены, заложив руки за спину и чуть выставив вперед ногу. Гладко зачесанные назад волосы в газовом свете люстр отливали золотом, яркие цвета наряда – в отличие от большинства гостей, он был не во фраке, а в чем-то пышном, иностранно-экзотичном – подчеркивали восковую бледность лица, на котором выделялись полные чувственные губы, алые настолько, что вряд ли такой цвет имел естественное происхождение. Юный гость леди Аскот, откинув назад голову, откровенно рассматривал Ирен, и это было почти неприлично.

– Мисс Адлер! – окликнула ее хозяйка бала и поманила веером. – Как я рада, моя дорогая, что вы пришли!

Леди Аскот занимала выгодную позицию: поднявшись на несколько ступенек по лестнице, она оказалась примерно на дюйм выше Ирен. Последовал положенный обмен любезностями. Как и многие другие, чье высокое положение было получено не по рождению, леди Аскот очень боялась выглядеть смешно или неприлично. Она строго следила за модой – на платья и театральные пьесы, на мужчин и поездки за границу, добившись безупречности не наличием вкуса, но упорным трудом. К Ирен леди Аскот испытывала двоякие чувства. С одной стороны, она восхищалась, с каким безразличием мисс Адлер относилась ко всему модному, руководствуясь только собственным мнением и вкусом. С другой – ее раздражала та легкость, с которой Ирен вписывалась в любое общество, – дар, недоступный леди Аскот. Отношение к ней самой Ирен было сродни любованию породистой кошечкой: можно погладить и послушать, как мурлыкают несколько сотен фунтов, но для ловли мышей такие существа абсолютно непригодны.

За пять минут леди Аскот рассказала почти обо всех гостях, заслуживающих более или менее пристального внимания. В их число попали лорд Дарнем, недавно вернувшийся из Египта, французский посланник, по слухам, недурно сочиняющий стихи, а также новинка сезона – прибывший откуда-то из Австро-Венгрии аристократ с труднопроизносимой фамилией.

Удачно уклонившись от знакомства с французом, Ирен все-таки была вынуждена улыбаться английскому египтологу. Когда тот заявил, что заочно уже знаком с мисс Адлер, та весьма удивилась, но потом с помощью наводящих вопросов узнала, что он женат на даме, с которой Ирен была дружна одно время. Заручившись согласием «драгоценной мисс Адлер» на посещение будущей выставки в Британском музее, лорд Дарнем откланялся и с исключительной ловкостью ввинтился в толпу.

Ирен рассеянно обвела взглядом огромную залу и собравшихся в ней гостей, задержавшись на одном из них. Наверху парадной лестницы стоял человек, которого она знала – как знают все друг друга в этом обществе. Богач, коллекционер, мужчина поразительной красоты, мистер Дориан Грей, единственный, кто мог бы позволить себе проигнорировать приглашение леди Аскот, будь его на то желание, и чье присутствие добавляло приему еще больше блеска. Ирен отметила про себя, что он совершенно не изменился с последней встречи, случившейся, кажется, два года назад. Два года – небольшой срок, особенно для джентльмена, заботящегося о своем здоровье, но это совершенство слегка пугало...

Из-под ее локтя вынырнула рука, блеснула бриллиантом в перстне, тонкие бледные пальцы с ухоженными ногтями обхватили ножку бокала. Ирен повернула голову.

– Нижайше прошу простить меня за манеры, – сказал гость леди Аскот, бледный юноша с альми губами. – Могу ли я предложить вам... – и он протянул Ирен бокал, чуть оттопырив мизинец с красующимся на нем перстнем.

– Благодарю, – слегка кивнула она, пользуясь возможностью рассмотреть незнакомца. Длинные прямые волосы на самом деле были не золотистыми, как ей показалось вначале, а платиновыми, и, когда юноша на миг обернулся, Ирен отметила, что они почти достигают талии. Это не было в моде в Лондоне, да, пожалуй, и нигде, и вряд ли кто-то еще среди здешних гостей мог позволить себе подобную прическу... и почти варварски роскошный наряд, который на любом другом смотрелся бы вульгарно, но удивительно подходил юноше. На тонком одухотворенном лице не было ни морщинок, ни родинок, вероятно, что и бритва еще не касалась ровной кожи. Глаза, карие, какие нечасто бывают у столь светлых блондинов, улыбались, но в их глубине таился необычный огонек.

Прерывая ставшую уже неприличной паузу, юноша старомодно шаркнул ножкой и представился. Первую половину его фамилии Ирен разобрала без труда, последняя тоже была довольно простая, но вместе части звучали чудовищно, и от попытки запомнить этот набор звуков Ирен отказалась.

– А я слышала о вас, граф, – сказала она, назвав свое имя в ответ. – Леди Аскот называет вас украшением своего вечера.

– Вряд ли я способен украсить вечер так, как это делает его хозяйка, – произнес юноша светским тоном. Из ровного ряда крепких белых зубов отчетливо выступали клыки, придавая улыбке хищное выражение.

– Ведь вы прибыли из Австро-Венгрии? – сказала Ирен. – Я бывала в Вене.

– Я приехал из Трансильвании, если позволите, – ответил граф с некоторой претензией. Ирен удивленно подняла брови. – Чудный уголок, почти не тронутый цивилизацией. Совершенно не похожий на Англию. Я провинциал, – добавил он, – и здесь, среди гостей, я скорее диковинка, нежели украшение.

Ирен приподняла уголки губ.

– Вы думаете, я излишне откровенен? – граф чуть склонил голову. На миг его глаза поймали свет люстры и сверкнули красным.

– Думаю, многие найдут вас очаровательным, – пробормотала Ирен, чувствуя неловкость.

– Могу ли я иметь удовольствие пригласить вас на танец? – граф потянулся к бальной книжечке, свисавшей с ее руки. Книжечка была почти вся заполнена, оставалось всего два или три свободных танца, и граф не преминул это отметить. – Смотрите, может быть, это судьба? – он посмотрел ей прямо в глаза. В его словах Ирен явственно услышала намек на нечто большее, нежели необременительный флирт на балу. Она отдала молодому человек один из незанятых вальсов и поспешила прочь.

Если Ирен и надеялась в глубине души, что ее новый знакомец позабудет о танце, этим надеждам не суждено было сбыться: в положенное время он возник перед ней словно из ниоткуда и галантно предложил руку.

Двигался он легко, будто парил над паркетом, но в то же время в его руках чувствовалась сила; одно удовольствие иметь такого партнера. Ирен подумала было, не завести ли правда интрижку, все равно зима в Лондоне, с какой бы стороны на нее ни смотреть, всегда ужасно скучна. Но интуиция подсказывала, что не стоит падать жертвой обаяния этого венгра. Или кто там он был. Что-то странное было в нем, что-то пока неуловимое, но настораживающее. И кроме того, он был слишком молод! Их союз, сколь угодно легкомысленный и непродолжительный, в любом случае будет смотреться неприлично.

Только глубокой ночью, уже готовясь ко сну, Ирен снова задумалась о графе и поняла, что именно показалось ей странным: ни в одном из украшавших стены бальной залы высоких зеркал она не заметила его отражения.

* * *

Когда миссис Тернер решила сдать квартиры в принадлежащем ей доме, финансовые соображения в этой идее, несомненно, присутствовали, но первостепенными не являлись. Мужа миссис Тернер похоронила четыре года назад, ее единственная дочь Мария вышла замуж и переехала к супругу в Эдинбург, а младшая сестра Эмма проживала с семейством в Лидсе и при каждом визите неизменно предлагала перебраться к ней. Миссис Тернер неизменно же обещала всесторонне обдумать предложение, но потом всегда отвечала вежливым отказом. Она любила Лондон – этот огромный и, на первый взгляд, неприветливый город. Тем не менее, одиночество одолевало пожилую даму, не раз и не два заставляя подумать, что дом чересчур велик для нее одной. Мысль о постояльцах – разумеется, если они будут достаточно учтивы и аккуратны – показалась достойной того, чтобы ее реализовать. Дом на Вествик-гарденс ничем не отличался от прочих, его окружавших: с плоским фасадом без украшений, с массивной парадной дверью, к которой вели несколько ступенек, и обширным чердаком. Чердак собирались переоборудовать в мансарду в самом скором будущем, которое, по обыкновению, не торо-

пилось наступать. Впрочем, новым постояльцам, как позже они сами признались, дом понравился с первого взгляда.

Два джентльмена вполне соответствовали требованиям домовладелицы. Первым был профессор Абрахам Ван Хельсинг, не так давно переехавший в Лондон, выдающийся ученый и автор нескольких важных открытий в своей области. Он имел докторскую степень по медицине, однако не практиковал: предпочитал заниматься научными изысканиями и читал курс лекций в университете. Кроме того, дважды в неделю он исполнял общественные обязанности в Музее естественной истории. Единственное «но»: мистер Ван Хельсинг был иностранцем. Этого миссис Тернер не одобряла, но препятствием для договора аренды обстоятельство не стало. А через несколько недель домовладелица уже считала профессора самым благонадежным из всех известных ей иностранцев Лондона.

Зато к компаньону профессора, мистеру Джонатану Харкеру, она сразу же прониклась симпатией. Молодой адвокат обладал приятной наружностью, был неизменно приветлив и даже несколько раз совершенно бесплатно дал профессиональную консультацию. Иногда мистер Харкер обращал свой взор в прошлое. Воспоминания могли настичь его даже в беседе о, казалось бы, пустяках, и тогда по его лицу пробегала тень – всего на миг, – прежде чем он возвращал самообладание, а в его светлых волосах, почти незаметная обычно, вдруг отчетливо выделялась ранняя седина. Леонард, зять миссис Тернер, начал седеть в двадцать шесть лет, а к тридцати пяти обзавелся еще и солидными залысинами, но тому причиной была всего лишь наследственность, а мистер Харкер, как решила хозяйка, наверняка перенес тяжелую душевную травму, которую теперь пытается залечить или хотя бы приглушить боль от нее, отдавшись работе.

Профессор Ван Хельсинг занимал комнаты на втором этаже, Джонатан Харкер – на третьем, оба спускались в общую гостиную, чтобы принять клиентов. Миссис Тернер не была против визитов – до недавних пор, пока среди посетителей не стали появляться довольно странные и неблагонадежные особы: персону, сквозь которую просвечивает письменный стол, сложно счесть благонадежной. Несколько раз домовладелица даже подумывала о том, чтобы с глубоким сожалением отказать своим постояльцам в жилье, и всякий раз что-то ее останавливало. Возможно, вздыхала миссис Тернер, ей следовало проявить больше твердости характера, но, с другой стороны, даже самые странные клиенты мистера Ван Хельсинга и мистера Харкера никакого ущерба не причиняли, а жильцы исправно вносили квартирную плату.

...Ноябрь принес в Лондон неожиданный снегопад. Снег белой пеленой лежал на крышах и ветвях, а на тротуаре успел почернеть, смешавшись с грязью.

– Какой спокойный выдался вечер, – заметил Джонатан, откинувшись на спинку дивана и положив ногу на ногу.

В пять часов он вернулся из Йоркшира, где, промерзнув, по его собственному признанию, до самых костей, провел несколько дней, работая над делом одного из новых клиентов. Безнадежно опоздав ко второму завтраку, молодой человек даже не рассчитывал на снисхождение хозяйки, но миссис Тернер всплеснула руками и чуть было не велела подавать обед раньше принятого в доме времени. Знакомые с домовладелицей могли бы столь вопиющее нарушение распорядка сравнить с небольшим апокалипсисом, но сам постоялец заверил, что вполне в состоянии подождать – переодеться, посидеть у камина и скоротать время за беседой с профессором.

Ван Хельсинг охотно присоединился к молодому человеку, горя желанием узнать из первых рук обстоятельства дела, за которое вряд ли бы взялся рядовой лондонский юрист. Не имея на этот раз возможности составить партнеру компанию в поездке, он потребовал детального отчета.

Для адвокатской фирмы «Хельсинг и Харкер» это дело было одновременно и рядовым, и выдающимся.

Шекспир не поведал зрителям, что стало первопричиной раздора между Монтекки и Капулетти. Что же до ссоры между семействами Бигсби и Гослинггов, вполне способной поспорить по накалу страстей с произведением великого драматурга, ее источник был известен и соответствующим образом зафиксирован в документах: все началось с одного неудачного пари на королевских скачках. Шесть монархов были свидетелями тому, как представители двух равно знатных родов изощренно портили друг другу жизнь.

Наступали века гуманизма, яд, кинжал и дуэльные пистолеты потихоньку выходили из моды, но семейства не сдавали позиций, пусть и меняя любимые методы. В итоге терпение лопнуло у Вильгельма IV, и оба возмутителя спокойствия были отосланы подальше от столицы.

Годы несколько приглушили пламень вражды, переведя сражения в сферу мелких пако-стей.

В Йоркшире жизнь традиционно течет размеренно и скучно. Вернее, текла – до появления там новых жителей.

Гослинг приобрел поместье неподалеку от Бигсби, дабы регулярно нарушать границы владений, браконьерствовать на земле соседа и изыскивать любой другой повод досадить. Бигсби в ответ построил огромный, чудовищно уродливый амбар, перекрывающий Гослингу самый красивый вид на окрестности. Бесконечные тяжбы, на которых мастера юридического цеха обеспечили себе источник доходов на долгие годы, цвели пышным цветом и переходили по наследству, пока сердечный приступ не оборвал жизнь сэра Артура Гослинга в возрасте шестидесяти четырех лет. Фрэнсис Бигсби пережил его на полгода, скончавшись от воспаления легких.

Единственным наследником Артура Гослинга оказался внучатый племянник, который, в силу склада ума, а также довольно дальнего родства и проживания, был не слишком сведущ в тонкостях семейных традиций. Вступив в права владения, он решил первым делом помириться с соседями. Сын Фрэнсиса Бигсби, несмотря на воспитание в семейном духе, отличался здравым взглядом на многие вещи и также счел примирение наиболее логичным выходом из ситуации. Кроме того, у него имелось две дочери, между старшей из которых и новым соседом сразу же возникла взаимная симпатия. На горизонте уже забрезжило счастливое разрешение всей истории, когда вмешались покойные Артур Гослинг и Фрэнсис Бигсби, скверные характеры которых ничуть не смягчились после кончины.

Нельзя было утверждать, что наследники Бигсби и Гослинга были категорически против призраков: родовые привидения и связанные с ними леденящие кровь истории остаются старой доброй английской традицией. Но приличия должны быть соблюдены! Если это рыцарь в про-ржавевших латах, мечтающий о воссоединении с ушедшей возлюбленной (обычно их разлу-чали интриги более удачливых родственников), на его долю достается искреннее сочувствие, а то и несколько слезинок, пророненных впечатлительными девицами. Призраки аристокра-тов, похоронивших во имя экономии на бракоразводных процессах по полдюжины жен, могут рассчитывать хотя бы на понимание. Совершенно иначе обстоит дело с полупрозрачным, но от этого не менее склочным провинциальным лордом, который считает своим долгом наставлять потомков на путь истинный.

Вызвавшийся провести акт экзорцизма священник потерпел неудачу, но наследников эти новые препятствия, как ни удивительно, объединили. Прошла еще неделя, и они постучали в двери дома на Вествик-гарденс.

Джонатан был склонен рассматривать не слишком материальный статус некоторых участ-ников тяжбы в качестве всего лишь обстоятельства, а не препятствия. Почти неделю он штуди-ровал материалы дела, документы и своды законов, а затем, вооружившись толстым блокнотом с выписками, связкой книг и лакированной доской для спиритических сеансов, отправился в Йоркшир. Устраивать сеансы общения с духами ему было не впервой, хотя обычно задачи оказывались куда зауряднее и касались, как правило, уточнения последней воли усопших.

Один раз пришлось заодно поискать само завещание, на которое охотно указывал несколько раз и сам неупокоенный дух, создание при жизни добросовестное, но крайне забывчивое. Джонатан всегда вспоминал этого призрака с улыбкой.

Для разрешения посмертной тяжбы Бигсби и Гослинга было устроено три сеанса, в которых активные протесты покойных неумолимо разбивались о неопровержимые доказательства юриста. Как выяснилось, законы и власть Ее Величества распространяются и на посмертное существование, точнее, не было ни одного закона, определяющего противоположное.

Под угрозой выселения в Охотничью башню на границе владений сэра Артур и сэра Фрэнсис были вынуждены смириться со своей участью, а их наследники проявили благородство, предоставив им возможность и дальше обитать в поместьях, наблюдая за жизнью и процветанием потомков. Ведь далеко не каждая, даже очень знатная английская семья может похвастаться наличием подлинного фамильного призрака. Не говоря уж о двух сразу.

Эту историю Джонатан Харкер поведал профессору перед ужином.

Ван Хельсинг, отсмеявшись, в очередной раз покачал головой, отмечая сложности традиций и национального характера британцев. После ужина компаньоны перешли в кабинет, чтобы продолжить работу: близость праздников подстегивала клиентов поспешить с решением всех своих дел.

Профессор устроился по обыкновению за письменным столом и раскурил трубку. Часы пробили восемь вечера.

– Все мы заслуживаем отдых время от времени, – сказал Ван Хельсинг, вороша кипу бумаг на столе, – но нельзя проводить его бесцельно, мой друг! Употребите свои пятнадцать минут праздности на поглощение пищи для ума, коль скоро пищу для желудка мы уже получили... Да где же он?! – в сердцах перебил он сам себя.

– Что-то случилось?

– Я утром получил свежий номер «Медицинского вестника», там была занятная статья, хотел вам ее показать... А теперь не могу его найти!

– Да здравствует праздность! – рассмеялся Джонатан, и тут же лицо его стало серьезным. – Профессор, вы ничего не слышите? – спросил он.

– Как будто нет. А что я должен слышать?

– Не знаю, мне показалось... Станный звук, может, ветер. Но уж очень музыкально...

Ван Хельсинг перестал шуршать бумагами. Секунды три он прислушивался, потом покачал головой.

– И все-таки я займу ваше внимание, пока вы отдыхаете. Журнал я непременно найду, а пока что – это пришло утром из Британского Фонда исследования Египта. Взгляните! – Ван Хельсинг протянул коллеге вскрытое письмо.

Суть послания сводилась к следующему: из своей недавней экспедиции в окрестностях Луксора один из уважаемых членов Фонда, лорд Дарнем, привез в Лондон прекрасно сохранившуюся мумию некоего царя, имя которого автор письма, лорд Гамильтон, случайно или умышленно забыл упомянуть. Его коллеги из Британского музея сейчас бились над расшифровкой надписей на стенах гробницы, и то, что им удалось понять, обещало стать настоящей сенсацией. Через несколько месяцев мумию хотели представить широкой публике. Но лорд Гамильтон – председатель Фонда – был весьма обеспокоен, не случится ли юридического казуса, если они поместят мумию в музей, и счел возможным обратиться к профессору Ван Хельсингу, чья репутация... и проч., и проч.

– Он не написал, что за казус может случиться, – разочарованно протянул Джонатан, возвращая письмо.

– Увы, мне также это неизвестно. Как видите, завтра в два часа пополудни я приглашен на обед к председателю. Через... – Ван Хельсинг бросил взгляд на часы, – восемнадцать часов

он расскажет подробности дела. А пока предлагаю оставить вашу работу на некоторое время в покое и полистать что-нибудь на тему археологии.

Джонатан согласно кивнул и принес из библиотеки несколько журналов и книг. На лестнице он встретил миссис Тернер, которая несла чайный набор на подносе, и придержал для нее дверь.

– Как это любезно с вашей стороны! – радостно воскликнул Ван Хельсинг, приподнимаясь со стула. – Мы с моим добрым другом как раз подумывали выпить чаю, и наша добрая хозяйка словно услышала эти мысли...

– Просто я знаю, – покачала головой миссис Тернер, – что вы всегда пьете чай в это время. – Она принялась расставлять чайничек, чашки, кувшинчик со сливками на столе, подвинув на край стопку бумаг.

– Как вам кажется, Джонатан, – громким шепотом спросил профессор, улыбаясь глазами, – может быть, наша хозяйка – ангел?

– Полно вам, – поморщилась миссис Тернер. – Лучше скажите-ка, куда вы дели скрипку? Ван Хельсинг и Джонатан переглянулись.

– Я не настолько большой поклонник музыки, – сказал профессор, – да и не умею играть, а посему не держу в доме скрипки.

Миссис Тернер недоверчиво покрутила головой, осматриваясь, не прячет ли постоялец где-нибудь злополучный инструмент.

– Может быть, милейшая хозяйка пояснит свой вопрос?

– Собирая для вас поднос, – сказала миссис Тернер, – я услышала какие-то звуки и сперва подумала, что соседский мальчишка мучает кошку. Но он уехал учиться в колледж. Я прислушалась. Звук шел откуда-то сверху. Я даже поднялась по лестнице, но пока поднималась – все смолкло...

Прежде чем уйти, миссис Тернер постояла еще несколько секунд на пороге, чтобы окончательно убедиться – в комнате нет ни кошки, ни скрипки, ни любого другого устройства, способного производить странные звуки.

– Может быть, все-таки ветер, – задумчиво сказал Джонатан, подходя к окну. За окном падали крупные пушистые снежинки, присыпая следы позднего прохожего, спешащего на другую сторону улицы. Снегопад усиливался на глазах, подул ветер, и среди снежных струй что-то мелькнуло; адвокат взгляделся... танец снежинок изменился, они вдруг сложились в изображение лица – спокойного и странно знакомого. Джонатан отпрянул, не в силах сдержать изумления, но когда он снова попытался рассмотреть удивительный рисунок – лицо уже исчезло, вновь рассыпавшись на сотни снежинок.

– Что-то интересное за окном, Джонатан? – спросил Ван Хельсинг из своего кресла.

– Нет, всего лишь показалось, – покачал головой молодой человек и потер глаза. – Думаю, будет лучше заняться всеми текущими делами завтра с утра...

– У вас усталый вид, – согласился профессор. – Отправляйтесь-ка отдыхать.

Увы, мечты об отдыхе перечеркнул громкий стук в парадную дверь. Вряд ли это запоздавший посыльный из лавки, да и почтальоны в такое время уже не разносят ни писем, ни газет, а гости имеют обыкновение появляться засветло, не говоря уж о том, что о визитах сообщается заранее. Иными словами, стучал клиент. Это не было чем-то из ряда вон выходящим: некоторые посетители, искавшие профессиональной помощи у мистера Ван Хельсинга и мистера Харкера, по личным обстоятельствам предпочитали не выходить на улицы при свете дня.

В коридоре послышались торопливые шаги, и через несколько мгновений миссис Тернер, вежливо постучав, снова зашла в кабинет.

– Мистер Харкер, вас желает видеть некий господин, не назвавший своего имени, – произнесла она, протягивая постояльцу прямоугольный кусочек картона. – И он заявил, что вы

будете рады его видеть. – Сделав театральную паузу, она добавила: – Иностранец. Я велела ему подождать в гостиной.

Джонатан взял визитную карточку, прочел написанное на ней имя дважды и с изумленным видом передал ее профессору. Ван Хельсинг не менее удивленно покачал головой. Оба направились к двери, мгновенно позабыв об усталости.

Ожидавший в гостиной человек в старомодном наглухо застегнутом сюртуке темного цвета, едва завидев их, встал и поклонился. Был он невысок ростом и уродлив: бледен, очень сутул – почти горбат, большая лысая голова сидела прямо на плечах, лицо бесцветное, с неопределенными чертами. В глаза бросался грубый шрам, тянувшийся от левого виска до подбородка.

– Добрый вечер, герр Харкер, – поздоровался он. – Я приносить извинений за поздний визит.

По-английски гость говорил с акцентом, старательно подбирая слова. Понять его было можно, но и усилия, которые он прикладывал, чтобы объясниться, были очевидны.

– Я помню вас, – произнес профессор. – Игорь, не так ли? Год назад, в замке вашего господина, графа фон Ви...

Игорь издал булькающий звук, прерывая Ван Хельсинга, замотал головой и прижал палец к губам, призывая к тишине.

– Не называть имен, – прошипел он. – Его сиятельство настаивать сохранять все в тайне.

– Как вам будет угодно, – сказал Джонатан. – Итак, какое же дело у его сиятельства к скромному адвокату?

Игорь извлек из кармана и передал молодому человеку запечатанный продолговатый конверт. Джонатан вскрыл его ножом для бумаги и достал сложенное письмо. По всей видимости, послание повергло его в искреннее изумление: дочитав, он перечитал текст еще раз, а затем передал письмо компаньону. Профессор Ван Хельсинг поправил очки на переносице, пробежал глазами строчки и усмехнулся.

– Как и следовало ожидать, друг мой, – шутливо отметил он, – ваши профессиональные старания не могли остаться незамеченными любезнейшим графом фон...

– Не называть имен! – напомнил Игорь.

– Только вслушайтесь, – продолжил Ван Хельсинг, зачитывая вслух абзац: – «Неоценимые услуги, оказанные не так давно нашему семейству, дают мне основания надеяться, что вам можно доверить разрешение самых деликатных вопросов». И он прав, черт побери! Я бы тоже не нашел лучшей кандидатуры, чтобы представлять в Англии интересы почтенной трансильванской фамилии.

Джонатан не ответил. На миг ему показалось, что он слышит голос, озвучивающий написанное, – красивый баритон, соответствующий безукоризненным манерам аристократа. Любой бы счел графа настоящим джентльменом, если бы не отдельные его привычки – увы, неотъемлемая часть природы.

– Граф имеет сын, – сказал Игорь. – Аурель Аттила, единственный наследник. Он прибывать в Лондон на некоторое время, по личный дело ... Граф хотеть, чтобы ви за ним... как это... приглядывать. Он не знать тонкости местных обычай и иметь пылкий темперамент. Не хотеть быть недо... недоразумения.

– Прошлый визит в Лондон одного из представителей данного... – Ван Хельсинг запнулся, подбирая слово, – вида помнят до сих пор. Если граф намерен последовать примеру графа Дра... помню, не называть имен...

– Господин Игорь прав, – вздохнул Джонатан, вставая на ноги. Сделав несколько шагов, словно обдумывая что-то на ходу, он вдруг резко повернулся и наклонился к гостю. – Никаких безумцев, жаждущих крови, – почти прошипел он. – Никаких таинственных болезней или исчезновений.

– Графа воспитать как джентльмен! – с достоинством ответил Игорь. – Он быть наследник своей благородный отец, а не как, – он запнулся, прежде чем продолжить: – не как другой граф!

– Мы рассчитываем на это, – кивнул Ван Хельсинг.

Игорь достал из другого кармана кошелек – старинный, кожаный, какие, вероятно, были в ходу несколько веков назад, и дернул за тонкий шнурок, стягивающий горловину мешочка. На стол выкатились несколько монет, блеснувших в свете газового рожка ярким желтым цветом. Не было никаких сомнений: это чистое золото. В Трансильвании ценили традиции. Ван Хельсинг кивнул.

– С вашего позволения, я уберу деньги в сейф. – Он взял кошелек и взвесил на ладони – вознаграждение оказывалось даже более щедрым, чем можно было себе представить. – А завтра нам следует зайти в банк.

– Еще один просьб, – сказал Игорь. – Молодой мастер снимать номер в отель, хороший отель, но много людей, это есть плохо.

– Я полагаю... я надеюсь, – заметил Ван Хельсинг, – молодой чело... граф обедает не в отеле?

Игорь скривил губы, показывая, что оценил остроумие собеседника.

– Молодой мастер не делать глупости, – заверил он. – Но он хотеть снимать дом на зиму. Молодой мастер говорить: «Я хотеть дорого и красиво». А Игорь говорить: «И быстро».

Джонатан рассеянно барабанил пальцами по подлокотнику кресла, весь во власти воспоминаний – когда-то он также искал дом для трансильванского гостя, и какие трагические последствия это возымело!.. Ван Хельсинг положил руку ему на плечо, слегка сжал пальцы, словно пробуждая от кошмара.

– Я понял, – произнес Джонатан, кивнув профессору. – Вашему хозяину требуется как можно быстрее подыскать подходящее его статусу и привычкам жилье, цена не имеет значения.

– Вы правильно понимать, – важно кивнул Игорь и поднялся. – Я возвращаться в отель быстро. Молодой мастер ждать. – Он широко улыбнулся, отчего лицо перекопилось и стало совсем жутким. – Благодарю, не провожать меня.

Когда за гостем закрылась дверь, Джонатан, не в силах справиться с любопытством, опять подошел к выходящему на улицу окну и чуть отдернул штору. Ветер превратил снег в настоящую метель, сбивающую с ног любого позднего прохожего, но не низкую сутулую фигуру, легко идущую сквозь непогоду, словно по парку ясным днем. Присмотревшись, молодой человек понял причину: снег фигуры Игоря не касался.

Глава 3. Новая жертва

Часы показывали всего без четверти восемь, но ранние зимние сумерки давно уступили место ночной темноте, и меньше всего на свете хотелось выходить на неудобные улицы. И все же в любую погоду и любой сезон паб «Синий кабан» не пустовал. Были постоянные посетители, приходившие пропустить пинту-другую пива по вечерам уже многие годы, были и новички, заглянувшие «на огонек» и решившие задержаться. Не стоило даже пытаться прислушиваться к царящему многоголосью – слова и фразы соединялись в причудливые сочетания с неожиданным смыслом.

Бартоломью Филд был пьян, знал это и, более того, именно этого и добивался, едва переступив порог: спрятаться в алкогольном забытии среди незнакомцев, вдали от привычного круга общения. Он выпил уже не менее пяти кружек пива – он помнил, сколько их было, потому что заказывал в самом начале, прежде чем перейти к виски. Дальше вопрос с количеством выпитого усложнялся: возможно, три стакана, возможно, четыре, вряд ли больше шести, а может, опьяненный взор видел то, чего на самом деле и не было?

Собеседники менялись, их лица сливались в одно, меняющее очертания, как в бреду, но он не обращал на это внимания. Скорее всего, не обращали и слушатели, и вряд ли кто-то из них на следующий день вспомнит хотя бы несколько фраз. О, эта прелесть внезапной откровенности, вдохновленной алкоголем! Он решил, что фразу непременно нужно записать и использовать при случае...

Но не с этим собеседником.

– Джеффри Кэмпбелл, чтоб я сдох! Убирайся!

– Не глупи, Барти, – сказал подошедший к нему молодой человек. – С тебя уже достаточно.

– А я говорю, убирайся к дьяволу! Там самое место для лжецов и предателей вроде тебя!

Филд замахнулся, но вместо того чтобы выбить пару зубов или хотя бы стереть сочувствие с ненавистной рожи, потерял равновесие и упал бы непременно, не подхвати его милосердная неудавшаяся жертва.

– Обсудим все завтра, как джентльмены, – произнес Джеффри Кэмпбелл, одной рукой доставая из кармана смятую купюру и толкая ее по стойке бармену, а другой поддерживая пьяного товарища.

Дойти сам до выхода Филд, разумеется, не смог бы: даже если его сил хватало, чтобы переставить ноги на три-четыре шага, на пятом они заплетались и подкашивались. Поэтому Кэмпбелл перекинул его руку себе через плечо и потащил приятеля на улицу в надежде, что зимний воздух окажет свое отрезвляющее воздействие и развеет туманящие рассудок алкогольные пары.

Легкий дневной морозец, заставлявший снег приятно хрустеть под ногами, с наступлением вечера усилился, и уже через несколько минут пальцы начали коченеть даже в перчатках. Филд, казалось, не чувствовал холода – шутки опьяненного разума, но его товарищ засунул руки в карманы и сжался, проклиная себя за то, что не оделся потеплее. Здесь часто проезжали кэбы, охотно подбирая подвыпивших завсегдатаев местного паба, один экипаж всегда стоял на противоположной стороне улицы, но сейчас его не было, и по всему похоже, что последний след колес на заснеженной дороге оставили уже довольно давно. Джеффри полез в карман за свистком, но не успел им воспользоваться, так как из переулка выехал четырехколесный брум и остановился прямо напротив них. Возница в коричневом пальто, почти до бровей замотанный в огромный клетчатый шарф, открыл дверцу:

– Джентльменам нужно ехать? – глухо прозвучало из-под нескольких слоев ткани.

– Да, благодарю!

Заставить Бартоломью Филда залезть внутрь оказалось непростой задачей. Наконец, затолкав его и усадив на сиденье, Джеффри сел рядом, высунулся из окна и назвал вознице адрес. Тот молча кивнул и тронул поводья.

Мерный цокот копыт усыплял, и уже через минуту Бартоломью затих и засопел. Джеффри вздохнул с облегчением: осталось только довести пьяного товарища и попросить кого-то из слуг помочь тому добраться до кровати. А потом возвращаться домой, может, этим же кэбом. И завтра они поговорят, как пристало взрослым людям, ведь не стоит рвать многолетнюю дружбу из-за глупости.

Лошадь спокойно шла по ровной дороге, Джеффри не смотрел наружу: это зрелище сложно было назвать занимательным даже в летнюю пору, что уж говорить о зимнем вечере, когда все мысли лишь о скорейшем возвращении домой к теплу камина и сытному ужину. И слишком поздно он заметил, что кэб свернул не туда.

– Что происходит? – требовательно спросил Джеффри, однако возница его не слышал или же сделал вид, что не слышит.

Колеса скрипнули в последний раз, лошадь остановилась. Джеффри толкнул дверцу и понял, что она не поддается. Он потянулся к противоположной дверце, привалившись к которой спал Бартоломью Филд, но усилие оказалось бесполезным. Они оба в ловушке! Безумный кэбмен запер их в своей повозке.

Он в отчаянии заколотил кулаками в разделяющую их стену, еще пару раз пнул ногой дверцу – все бесполезно. Привалившись спиной к спинке сиденья, он попытался перевести дух и унять сердцебиение, как вдруг на крышу кэба что-то свалилось, заставив повозку покачнуться. Еще один глухой удар, гораздо слабее, потом еще один, и вдруг прямо в окно заглянуло лицо, сверху вниз. Свисали концы распутавшегося шарфа и давно не стриженные грязные патлы, но пойманный в ловушку человек не мог отвести взгляда от горящих глаз, желтых, с узкими звериными зрачками, и от жуткой клыкастой улыбки, словно распоровшей лицо пополам.

Что-то щелкнуло, и дверца распахнулась, но прежде чем Джеффри успел сделать хоть одно движение, длинная рука метнулась внутрь, ухватила его за пальто с невероятной силой и выбросила из кэба. Падая, он больно ушибся, и ему понадобилось несколько мгновений, чтобы разогнать внезапно сгустившуюся перед глазами черноту. Помотав головой, он попробовал встать на четвереньки и перевернуться.

В этом переулке не было фонарей, но почти полная луна давала достаточно света, чтобы Джеффри рассмотрел темнеющий в стороне кэб и шевелящийся сгусток на его крыше. Возница перевесился через край, заглядывая внутрь повозки, затем нырнул туда, чтобы через пару секунд вновь взгромоздиться на крышу, уже с грузом. Выпрямившись во весь рост, он поднял над головой что-то длинное и швырнул на землю. Предмет упал почти рядом, Джеффри подался вперед, пытаясь рассмотреть, и с ужасом отпрянул – перед ним был Бартоломью Филд, и его лицо смотрело вверх, хотя тело лежало на животе. Слово парализованный, молодой человек был не в силах ни сдвинуться с места, ни даже позвать на помощь – язык беззвучно шевелился в пересохшем рту.

Кэбмен спрыгнул, мягко приземлившись на ноги с невозможной для любого человека ловкостью, приблизился и присел на корточки. Его рука нырнула в карман пальто Джеффри, зашарила там, потом в другом кармане, вытащила бумажник и часы. Обычный грабитель?

– З-забирайте, – прохрипел он. – Забирайте все. Только, молю Богом...

Грабитель расстегнул бумажник, пошелестел банкнотами, закрыл и спрятал в карман пальто. Снова склонился над жертвой и, схватившись за ворот, рывком вздернул человека в воздух, держа одной рукой на весу без малейшего усилия. Что же это за существо?

Кэбмен поднял свободную руку, в которой блеснули в свете луны отобранные карманные часы.

– Беги, – прорычал он, щелкнув ногтем, гораздо больше похожим на коготь, по стеклу в нескольких делениях от минутной стрелки. – Даю тебе десять минут.

С этими словами он разжал пальцы и вернулся к повозке. Снова невероятный нечеловеческий прыжок с места – и он оказался на крыше кэба.

– Беги-и-и!!! – крикнуло это существо и расхохоталось, подобно гиене.

Кое-как встав на ноги, Джеффри Кэмпбелл побежал. Его шатало и бросало в стороны, несколько раз он падал, но продолжал бежать. А в спину ему летел звериный вой.

* * *

Негромко хлопнула входная дверь, слышались легкие шаги, потом шорох и снова хлопок, но уже другой двери. Игорь оторвался от написания письма, опустил перо в чернильницу и встал из-за стола: вернулся хозяин.

Аурель Аттила возлежал на оттоманке в гостиной, заложив руки за голову и без малейшего сожаления сминая дорогую ткань выходного наряда, в который все еще был одет. Небрежно сброшенное на спинку кресла пальто свисало до самого пола, прямо посреди комнаты экзотическим украшением возвышался сапог, а второй приткнулся в углу, как бедный родственник, что непременно отметил бы человек, склонный искать метафоры и аллегории в повседневной жизни или же просто наделенный яркой фантазией. Иными словами, человек, ничуть не похожий на Игоря: таких слуг, как он, ценили не за цветистость речи или оригинальность мышления, но за умения и беспримерную преданность.

Игорь забрал пальто, подобрал оба сапога и вышел в прихожую, одарив при этом молодого хозяина полным укора взглядом, который разбил бы броню самого жестокого сердца, заставил устыдиться, раскаяться и сразу же приступить к искуплению прегрешений. По Аурелю этот взгляд скользнул и осыпался прахом.

Повесив пальто, Игорь занялся сапогами.

В уходе за гардеробом и обувью господина он не доверял прислуге лучшего в городе отеля, как и во всем остальном, настаивая на личном надзоре за выполнением самых пустячных заданий. Горничные побаивались Игоря, стараясь без необходимости не попадаться на глаза уродливому слуге иностранного аристократа из номера люкс. Зато и особого отношения к себе постоялец не требовал, кроме разве что извечного приказа «не беспокоить», и не скупился на чаевые.

Закончив, Игорь вернулся в гостиную. Аурель по-прежнему занимал оттоманку, но на плечи набросил узорчатый домашний халат, купленный за безумные деньги. По прибытии граф полностью обновил гардероб, посвятив первые два дня в Лондоне бесконечным походам по модным магазинам на Оксфорд-стрит и Стрэнде. Одно название сменялось другим, и в каждом магазине Аурель проводил не менее двух часов, занимая отдельную примерочную и успевая совершенно измучить и продавцов, и собственного слугу. Лондон прочно удерживал славу столицы мужской моды, гость чувствовал себя в своей стихии, помощники сновали туда-сюда, нагруженные разнообразными деталями одежды, а Игорь мечтал оказаться в родных горах, где вековую тишину нарушают лишь вой ветра да песни волков и фасоны не меняются уже несколько столетий.

Разумеется, он не позволял себе демонстрировать истинные чувства: ни словом, ни намеком, ни лично молодому господину, ни в письме его отцу – он писал дважды в неделю, подробнейшим образом сообщая сперва о поездке по Европе, затем о пребывании в Англии.

– Ваше сиятельство изволит ужинать? – спросил он.

– Нет, я поужинал на приеме. – Молодой граф картинно промокнул уголки губ белоснежным кружевным платочком, на котором осталась пара маленьких кровавых пятнышек.

– Это может быть опасно! – нахмурился слуга.

– Ах, Игорь, оставь! Право слово, ты считаешь меня совсем несмышленищем или же думаешь, что я уподоблюсь дядюшке? Что за моветон! Моя еда отправилась домой в добром здравии и ровным счетом ничего не вспомнит о случившемся.

– В свете не принято...

– Не принято? Ха! – Аурель изящным движением вскочил на ноги. – Ты становишься похож на *nana*! – слово «папа» Аурель произнес в нос, на французский манер. – Он вечно переживает о том, что подумают прочие! Мне уже приелись простолюдины, – добавил он чуть тише. – Кроме того, здешнее светское общество чрезвычайно занимательно. Даже достойно быть описанным в сатирическом романе, чем я, когда у меня появится немного времени и вдохновения, возможно, и займусь. В самом деле, почему бы не посвятить себя писательству? Правда, Лондон мало способствует творчеству. Ах, если бы не эта странная неприязнь *nana* к Парижу! И почему он так упрям?

– Лондон лучше для вашей цели, – напомнил Игорь, принимаясь собирать разбросанные по креслам и полу предметы одежды. – Была ли достойная кандидатура на приеме?

– Увы, лишь достойные кандидатуры в пищу, – печально сказал Аурель. – Но несколько приятных знакомств я свел, а также был приглашен украсить своим присутствием еще как минимум четыре приема и один бал. В письменном виде приглашения, вероятно, начнут доставлять уже завтра. Чтобы вращаться в обществе, Игорь, – назидательно произнес он, – требуется обладать недюжинной крепостью духа и тела.

– Можно познакомиться с барышнями из благородных семейств, – пробурчал Игорь себе под нос. – Когда уже?

Аурель услышал его и скривился, обнажив на миг клыки – сейчас они казались куда длиннее и острее, нежели обычно.

– Вы с *nana* убиваете меня! – воскликнул он. – Отец ведет себя как тиран и деспот, а ты, кто должен обо мне заботиться, не имеешь ни капли сострадания!

– Господин граф приказал! – торжественно ответил Игорь. – Он печется лишь о вашем благополучии, а его обязанности главы семейства тяжелы и неблагодарны!

Аурель отмахнулся от слов как от надоедливых мух – слуга читал ему нотации не первый раз и, безусловно, не последний, – отдернул занавеску и вышел на балкон. С высоты открывался чудесный вид на город, но он смотрел не на него, а выше, в звездное небо, где висела почти полная луна. Было морозно, но он не чувствовал холода. Лунный свет коснулся лица, сделав юношу на миг похожим на застывшее серебряное изваяние. Вдруг порыв ветра попытался броситься ему в лицо, но замер, остановленный взметнувшейся тонкой ладонью, и послушно затих, обвиваясь вокруг пальцев.

– Я прогуляюсь, – сказал Аурель. – С этими светскими обязанностями совершенно нет времени ни на что иное. Отец был бы недоволен, он всегда ратовал за здоровый образ жизни.

– Если рассвет застанет вас в городе...

Лицо Ауреля исказилось гримасой.

– Разве здесь есть солнце? Но я немного устал. Вероятно, прогулку лучше отложить до вечера. Приготовь мне костюм... а лучше два, я выберу после отдыха.

С этими словами, взяв со столика, где вперемешку валялись книги и модные журналы, томик сонетов, молодой граф удалился в спальню.

Игорь вернулся в свою маленькую комнатку и снова сел за стол: письмо следовало дописать и отправить.

Обмакнув перо, он продолжил прерванную на половине строчку о найме местного юриста, взявшегося представлять интересы Ауреля Атиллы в Лондоне на время его там пребывания. Цифры, составляющие сумму оплаты, были выписаны на отдельном листе и снабжены пояснениями и примечаниями, сюда же были подшиты сегодняшние счета – на восемь шелковых рубашек, три галстука и пять пар перчаток.

– Пожалуй, приготовь три, – донеслось из-за закрытых дверей.

Взял бы его сиятельство розгу да вразумил бы своего наследника, – подумал Игорь, подчитывая общую сумму расходов, и тут же укорил себя за подобные мысли.

* * *

– Пишут, что в последние дни участились нападения животных на добрых лондонцев, – произнес Ван Хельсинг, отпивая кофе. – Службы отлова бродячих собак работают сверхурочно, но количество пострадавших от укусов не уменьшается. Я начинаю задумываться, верным ли было решение переехать в вашу столицу?

Джонатан усмехнулся старой шутке. Они завтракали в общей столовой на первом этаже, как всегда. Кухарка миссис Тернер готовила превосходно, пусть не слишком балуя постояльцев редкими деликатесами, кроме особых случаев, зато блюда неизменно радовали джентльменов, ведущих активный образ жизни и оттого остро нуждавшихся во вкусной и сытной еде. Временами Ван Хельсинг «как врач» не рекомендовал сочетать прием пищи с чтением, однако сам же свои рекомендации сразу и нарушал.

– Думаете, это наш знакомец, лишивший меня любимого пальто? – спросил Джонатан.

– Не думаю. Тот бы не ограничился несколькими укусами. Но это может быть взаимосвязано: обычные собаки становятся намного агрессивнее в присутствии оборотня. О последствиях встречи с ним самим наверняка напишут в разделе криминальной хроники.

– Все-таки оборотень, – вздохнул мистер Харкер. – Вам удалось еще что-то узнать о них?

– Множество сведений, которые предстоит проанализировать и систематизировать. Подозреваю, что это займет немало времени.

– Еще один монстр в Лондоне, – раздраженно сказал Джонатан. – Помимо того, на кого я в данный момент работаю. Вот уж не думал, сдавая экзамены на звание адвоката, что в итоге стану поверенным вампира! Была ли здешняя жизнь намного спокойнее до моего вояжа в Трансильванию, или же я просто не замечал многое из того, что бросается в глаза сейчас?

– Это особенность человеческих существ. Утешайтесь, что во всем есть и светлая сторона. Мы приобрели клиентов и сумели помочь тем, кто в помощи крайне нуждался, но не мог найти защиты у закона обычным способом. Начиная с нашего любезного графа фон...

– Не называть имен! – передразнил адвокат трансильванского гостя, и оба компаньона рассмеялись.

Профессор перевернул страницу утренней газеты, углубившись в чтение, а Джонатан принялся намазывать тосты джемом.

– А вот здесь упомянули оборотня, – сказал Ван Хельсинг, просматривая очередную статью. – Мистер Джеффри Кэмпбелл утверждает, что на него напал человекоподобный монстр, преследовавший его по улицам Лондона и убивший его друга Бартоломью Филда... В настоящий момент мистер Кэмпбелл пребывает под стражей... Что за глупости!

Рука Джонатана замерла.

– Джеффри Кэмпбелл арестован?

– Что с вами, Джонатан? – удивленно спросил профессор. – Вы его знаете?

– Да, – ответил его компаньон и решительно протянул руку: – Позвольте?

Ван Хельсинг передал ему газету, отметив пальцем нужное место.

Пробежав глазами заметку, Джонатан потер лоб, словно не веря прочитанному.

– Это безумие, – сказал он. – Задержан по подозрению в соучастии, Джеффри Кэмпбелл! Да он мухи не обидит! Это какая-то чудовищная ошибка. – Он замолчал на миг. – Профессор, я сегодня намеревался искать дом для графа. – Ван Хельсинг кивнул, уже предвидя следующие слова компаньона. – Я боюсь, что...

– Учитывая обстоятельства, полагаю, ничего страшного не случится, если вы займетесь поиском позже.

– Благодарю вас, – от души произнес Джонатан, вставая из-за стола и оставляя свой завтрак почти не тронутым.

Через несколько минут молодой человек уже выбежал на улицу и махнул рукой свободному кэбу.

Добиться свидания с арестованным оказалось нелегкой задачей: полицейские совершенно не горели желанием допускать чужаков к делу. В особенности адвокатов. Тем не менее, Джонатан Харкер не сдавался. Убив почти два часа на бессмысленные и бесцельные пререкания, он был в итоге вознагражден за терпение и стойкость явлением инспектора Льюиса, с которым судьба несколько раз сводила его на профессиональном поприще. Визиту мистера Харкера, учитывая обстоятельства, инспектор тоже не обрадовался, что и не особо старался скрыть, но в содействии не отказал.

Для свидания с Джефффри Кэмпбеллом отвели крохотную полутемную каморку, убогость которой лишь подчеркивали грубый стол и три табурета – два у стола, на третьем, чуть в стороне, восседал полисмен. Попытки Джонатана отстоять приватность разговора разбились о стену. В сущности, это было и справедливо: не являясь официальным адвокатом Кэмпбелла и получив разрешение на беседу только милостью инспектора Льюиса, не стоило высказывать претензии. Во всяком случае, пока он не поговорит с попавшим в беду другом.

Единственного беглого взгляда на согбенную фигуру Джефффри хватило, чтобы понять, насколько тот пал духом.

Джонатан Харкер и Джефффри Кэмпбелл были ровесниками и знали друг друга с детства, росли на одной улице и посещали одну школу, но сейчас Джонатан подумал, что сидящий напротив него человек лет на двадцать старше. Неужели же арест и всего одна ночь в полиции оставили на нем столь ужасный след, стерев со щек привычный румянец, раскрасив их серым и выделив глубокие складки? Джефффри поднял голову, и в его глазах Джонатан прочел ответ: нет, не в этом причина. Она во встрече со сверхъестественным злом, чье отражение все еще прячется тенью в глубине зрачков и не отпускает свою жертву ни на миг. Нечто подобное он сам пережил чуть больше года назад...

– Харкер! – Джефффри даже попробовал улыбнуться, что далось ему с немалым трудом. – Не ожидал тебя здесь увидеть!

– Как и я – не ожидал увидеть тебя здесь, – ответил Джонатан. – Это совершенное безумие.

– Безумие – да. Я словно сплю и вижу кошмар, но никак не могу проснуться. Я не провел здесь и суток, но разум принимается играть со мной, и временами мне кажется, что прошел уже не один день. Как хорошо, что ты пришел! – произнес он вдруг с чувством. – Хоть один человек не стремится отправить меня в тюрьму до скончания века.

– Мои намерения прямо противоположны, – заверил его Джонатан. – Я постараюсь помочь тебе выйти отсюда – однако ты должен рассказать мне все. Абсолютно честно и как можно подробнее.

Джефффри снова вымученно улыбнулся.

– Я рассказывал полицейским уже несколько раз. Кажется, они еще не решили окончательно, считать меня безумцем или лгуном, но верно лишь одно: ни единому моему слову они не поверили. Я бы и сам не поверил, несмотря на все эти жуткие истории в газетах за последние недели о нападениях дикого зверя посреди Лондона. Но, клянусь Всевышним, то, что я видел, было реально, и это был не зверь, не человек, а порождение самого ада! – Он замолчал, собираясь с мыслями. Воспоминания были мучительны, и все же, как ни жестоко заставлял его вновь переживать эти ужасные события, сделать это было необходимо.

– Начни с самого начала, – посоветовал Харкер. – Из-за чего вы с Бартоломью повздорили? Это стало одним из оснований для твоего ареста, я побеседовал кое с кем, пока доби-вался свидания, – пояснил он и чуть подался вперед, всем своим видом демонстрируя, что готов слушать.

– Это старая как мир и столь же банальная история, – вздохнул Кэмпбелл. – Ты зна-ком с Элайзой Хопкинс? – Джонатан отрицательно покачал головой. – Я мог бы рассказывать о ней часами, но достаточно того, что я скажу сейчас – это самая добрая и прелестная девушка на свете, и я был на седьмом небе от счастья, когда она согласилась стать моей женой. Зна-комо ли тебе это чувство, когда ты готов обнять от радости весь мир?

– Да, я переживал нечто подобное, – тихо ответил Джонатан Харкер. Кэмпбелл поймал его взгляд и осекся:

– Прости. Я... знаю о смерти твоей жены. Прими мои соболезнования.

Харкер коротко кивнул и жестом пригласил друга продолжать рассказ.

– Но жертвой красоты Элайзы пал и мой приятель Бартоломью Филд. Богом клянусь, я ничего не знал о его чувствах, и она не давала ему надежды. Оказалось, что отказ глубоко ранил его, а новость о скорой свадьбе стала еще более тяжелым ударом. Мы с ним встретились вчера, и я, движимый наилучшими побуждениями, пригласил его отпраздновать с нами помолвку, он же счел меня предателем, бросив это обвинение мне в лицо. Признаться, я не остался в долгу, мы сказали друг другу многое, о чем сразу же пожалели – по крайней мере, я. Рас-стались мы в гневе. Через несколько часов, остыв, я подумал, что наша многолетняя дружба должна быть сильнее, поэтому нужно объясниться, как подобает джентльменам. Я отправился домой к Барти, но его там не оказалось. Побеседовав с прислугой, я понял, в какую сторону он отправился, и последовал за ним. На поиски у меня ушел почти весь вечер. Уже не помню, в каком по счету пабе я все-таки обнаружил его, пьяного в стельку...

Далее Джефффри рассказал о том, как они с почти бесчувственным товарищем стали жерт-вами кэбмена, о мертвом теле, упавшем рядом с ним на снег, и как он бежал по узким переул-кам, каждый миг ожидая, что шею коснется дыхание несущегося за ним чудовища.

– Мы с тобой давно знакомы, Харкер, и ты знаешь, что я не робкого десятка, но про-шлой ночью я испытал настоящий ужас. Он... или оно... охотилось на меня, как дикий зверь, но звери не бывают столь жестоки, они преследуют добычу ради пропитания, а не для удовле-творения своей злобы.

– Как тебе удалось спастись? – спросил Джонатан.

– Мне повезло. Я не представлял, куда отвез нас этот безумец, бежал по переулкам, не думая о том, куда они ведут – сначала. Не знаю, сколько времени это заняло, кажется, что несколько часов, хотя, конечно же, намного меньше. Но я вдруг оказался в месте, кото-рое узнал: много лет назад там жил мой дядюшка, ребенком я часто его навещал. Я зако-лотил в двери первого же дома, и, на мое счастье, мне открыли. Потом мы послали за кон-стеблем, я рассказал ему о случившемся, не вдаваясь в детали, чтобы он сразу не счел меня безумцем. Лишь сказал, что на меня и моего друга напали и что мой друг, кажется, ранен, поэтому я побежал за помощью. Не без труда я вспомнил дорогу обратно и проводил констебля на место происшествия. Кэб, конечно, давно уехал, а тело Барти так и лежало на снегу, до него даже не успели добраться грабители. Прибывшие полицейские принялись обшаривать округу, искать свидетелей, кто-то начал допрашивать меня... и я не помню, что говорил. Не успел я сообразить, что происходит, как меня арестовали, и с того момента, как привезли сюда, допра-шивали и допрашивали. Скажи, ты веришь мне или тоже считаешь сумасшедшим?

– То, что случилось с тобой, кого угодно свело бы с ума, – ответил Джонатан, глядя другу в глаза. – Но я абсолютно уверен, что каждое слово из рассказанного тобой – правда. Зверь действительно существует, ты не первая его жертва, но первая, кому удалось его рассмотреть и при этом уцелеть. – Он помедлил. – Догадываюсь, что ты не хотел бы впутывать в это дело

поверенного вашего семейства, – получив утвердительный кивок, он сказал: – Поэтому ты меня нанимаешь.

Глава 4. Работа с риском для жизни

Швейцар предупредительно открыл двери, и профессор Ван Хельсинг, сбивая перчатками пушистые снежинки с плеч, вошел в отель «Браун» и остановился в нерешительности, ища глазами лорда Гамильтона. Лорд поднялся из кресла и помахал рукой, привлекая внимание. У него было смуглое лицо с решительным подбородком и смоляные усы, торчащие строго параллельно полу. В молодости он служил в Индии, но вышел в отставку, когда взял на себя обязанности главы семьи после смерти отца. Затем последовал брак, навязанный общественным долгом и не принеший ничего, кроме разочарований. К счастью, лорд Гамильтон сумел найти отдушину – с детства увлекаясь историей, он посвятил себя научным изысканиям и со временем возглавил Фонд исследования Египта.

Гамильтон отрекомендовал местный ресторан как «лучший образчик доброй английской кухни», Ван Хельсинг выразил желание поскорее отдать должное здешнему повару, и оба джентльмена поспешили навстречу гастрономическим изыскам, в дегустации которых им должен был составить компанию лорд Дарнем. Покидая вслед за египтологом просторный холл, Ван Хельсинг заметил краем глаза мелькнувший в глубине коридора знакомый силуэт и замер на мгновение, вглядываясь в полумрак, а потом поспешно догнал своего спутника.

В ресторане лакей указал им отдельный кабинет, где был сервирован стол на троих и где их ожидал лорд Дарнем, мужчина лет сорока, среднего роста, с усиками в ниточку и сильно загорелым лицом с правильными чертами. Все сделали заказ и в ожидании закусок обменялись визитками и замечаниями о погоде. Затем лорд Гамильтон ловко перевел разговор на международную обстановку, а с нее – на события, послужившие поводом для встречи с профессором.

– Не буду томить вас недомолвками, – сказал глубоким низким голосом лорд Дарнем, которому лорд Гамильтон дал слово, – экспедиция была адская. Тамошнее население – агрессивные фанатики, они саботировали раскопки, воровали, угрожали! Не один раз наша работа висела на волоске, мы думали о том, чтобы перебазироваться, хотя, видит Всевышний, сама мысль об этом была невыносимой! Находясь так близко от разгадки, отказываться от продолжения... я не пожелаю никому таких терзаний. К счастью, мне удалось договориться с местными жителями. Не скажу, что это было просто и обошлось дешево, но наши усилия в итоге оправдались!

– Я рад, что вам удалось вернуться на родину не только невредимыми, но и с, несомненно, ценным грузом, – заметил Ван Хельсинг. – Как я понял из письма многоуважаемого лорда Гамильтона, вы привезли нечто любопытное?

– Мы все еще в процессе перевода текстов, – осторожно ответил лорд Гамильтон. – Некоторые фрагменты можно истолковать двояко, другие допускают не менее десятка трактовок. Не хотелось бы преждевременно трубить в фанфары... однако, если мои предположения верны, это может стать громкой научной сенсацией! А вы, профессор, – заметил он, – похоже, относитесь к категории людей, которым деловые переговоры не мешают отдавать дань обеду. – И он громко рассмеялся собственной шутке, тогда как Ван Хельсинг слегка покраснел и отложил нож.

– Простите мои манеры иностранца, – сказал он. – Кроме того, здесь действительно прекрасная кухня.

– Признаться, я и сам не люблю терять время, – кивнул лорд Гамильтон, вооружаясь столовыми приборами. – Итак, мой друг лорд Дарнем, прекрасный специалист, так сказать, с нюхом на сенсации, – при этих словах покраснел уже лорд Дарнем и попытался скрыть смущение, подняв бокал вина. – И весьма предприимчивый человек. Два года назад я раскопал, фигурально выражаясь, в нашем архиве дневники сэра Генри Мэтьюза, который, опираясь на труды Фонтана и Эдвардса, выдвинул несколько гипотез касательно четвертой династии. Признаться,

тогда мне и другим джентльменам его выводы показались фантастическими. Но моего друга это не остановило. Он нашел людей, которые профинансировали поездку, впрочем, не будем называть имен. – В этом месте Ван Хельсинг кивнул, усмехнувшись.

– В первый год раскопок нас постигла неудача, – сказал лорд Дарнем. – Но это не ослабило нашей решимости.

– И, что немаловажно, – лорд Гамильтон прервался, чтобы отдать должное великолепному ростбифу, – не сократило финансирования. Воистину, нам повезло с благотворителями, казалось, что они стремились приподнять завесу тайны не меньше, чем мы. А может, и больше...

К ростбифу подали йоркширский пудинг, столь нежный и воздушный, что на некоторое время ему удалось то, чего не сумели добиться сотни враждебно настроенных египтян, – он заставил собравшуюся в ресторане компанию полностью позабыть об исторических тайнах. В кабинете воцарилась хрупкая тишина, возникающая при поглощении превосходно приготовленной и правильно сервированной пищи.

– Ну-с, – сказал лорд Дарнем, промокая губы салфеткой, – о чем бишь я?

– О финансировании, – с любезной улыбкой напомнил Ван Хельсинг.

– О, профессор, эти материи вряд ли можно счесть интересной темой. Куда важнее то, что нашли люди лорда Дарнема. Бьюсь об заклад, – лорд Гамильтон хлопнул себя по колену, – вам не терпится это узнать!

– Это так, сэр, – развел руками Ван Хельсинг. – Ваш рассказ, ваши намеки заинтриговали меня. Признаться, с того момента, как я прочел письмо, все пытаюсь логически вывести причину, по которой мои услуги понадобились многоуважаемому главе Фонда исследования Египта.

– Уверяю, логика здесь не поможет, – лорд Дарнем вдруг посерьезнел. – Итак, профессор, первый год прошел впустую. Но этой весной нам удалось напасть на след. Здесь позвольте дать некоторые пояснения. Как вы, вероятно, знаете, во времена фараонов четвертой династии были построены прекраснейшие, величайшие пирамиды Гизы. Их изучали и еще долгие годы будут изучать историки всего мира. – Он сделал паузу, с тем, вероятно, чтобы сотрапезник ощутил в полной мере величие момента. Затем продолжил: – Но я в это время был занят поиском весьма скромной усыпальницы, о которой сэр Генри Мэтьюз упомянул лишь вскользь, поскольку не нашел достоверных источников, подтверждающих ее существование, кроме одного пергамента, где упоминалось имя того, для кого она была построена. Фараон Джеммураби, опираясь на сборник «Древних документов Египта», был не то сыном, не то братом Снофру и скорее хорошим чиновником, нежели правителем. Как утверждает его официальная биография, Джеммураби внезапно скончался и был погребен со всеми почестями. Его усыпальница – мы привезли отличные зарисовки и фотографические снимки – была украшена многочисленными граффити. Еще в Египте мой друг лорд Гамильтон начал расшифровку записей. Здесь, в Лондоне, вместе с коллегами, он продолжает эту работу, и она уже близка к завершению.

– Фараона доставили в Лондон? – уточнил Ван Хельсинг, припоминая письмо. Лорд Гамильтон кивнул.

– И фараона, и кое-что из утвари, и другие ценности, все как полагается.

– Так что же было написано на стенах усыпальницы?

– Это и есть то дело, по которому мне – нам, всему британскому обществу – нужен профессиональный совет, профессор.

– Врача или юриста? – деловито осведомился Ван Хельсинг.

– Врача и юриста. Судя по расшифрованным надписям, фараон Джеммураби открыл бессмертие. Сейчас он не мертв, но погружен в священный сон, готовый прерваться в любой миг.

– Скажите, милорд, – Ван Хельсинг откинулся на спинку стула, – скажите мне как врачу, вы сами верите в такую возможность?

– Как глава Британского Фонда исследования Египта, – отчеканил лорд Гамильтон, – я обязан допускать любую возможность и предотвратить неприятные последствия.

– О, – только и сказал Ван Хельсинг.

– Я от имени всех английских египтологов прошу вас подробнейшим образом изучить документы, которые имеются у нас в наличии, а также и сам предмет... интереса. И вынести заключение: может ли фараон воскреснуть, и если да, то какие последствия это принесет с точки зрения закона. И какие меры можно предпринять, дабы не возникло какого-либо юридического казуса.

Ван Хельсинг с трудом отогнал видение, в котором фараону, только что воскресшему и оттого пребывающему не в лучшем расположении духа, предлагают ознакомиться с судебным постановлением – на нескольких страницах, заверенным всевозможными печатями, – после чего он, приняв главенство закона, покорно возвращается в саркофаг.

– Мне, разумеется, будет любопытно взглянуть на фараона, – сказал он.

Лорд Гамильтон незамедлительно пригласил профессора нанести визит в Британский музей, где ему будет предоставлен неограниченный доступ в хранилище, равно как и к архивам Фонда. Осталось только уточнить детали следующей встречи. В это время в кабинет вошел официант и подал Ван Хельсингу на подносе записку. Она была короткой, но лорд Гамильтон заметил, как блеснули глаза профессора.

– Обстоятельства вынуждают меня сейчас покинуть вас, милорды, – вежливо сказал он, вставая и протягивая руку для пожатия. – Но завтра же я навещу его царское величество Джеммураби в музее и надеюсь, что окажусь полезен, хотя пока и не могу предположить, какие меры понадобятся против воскресшей мумии.

– Будьте спокойны, профессор, с фараоном мы как-нибудь справимся своими силами. А вот с британским законодательством – к сожалению, вряд ли, – сказал лорд Дарнем.

Профессор вышел из ресторана, поинтересовался у одного из носильщиков, где находится оранжерея, и уверенно направился туда.

В самом дальнем от входа конце цвел филодендрон – крупные початки в обрамлении широкого капюшона. Возле них стояла молодая женщина. Казалось, ее полностью занимали эти цветы, и подошедшему к ней профессору Ван Хельсингу пришлось даже негромко кашлянуть, чтобы привлечь внимание.

– Добрый день, – прозвучал в ответ низкий мелодичный голос, и она повернулась к нему: плавно качнулись плечи, бедра, скользнули вдоль колен складки темно-синего платья. Красивое лицо уверенной в себе женщины, твердая линия подбородка, нежный изгиб бровей и губ, греческий нос, нормоцефалическая форма черепа, а главное – ни единого признака астении.

– Только благодаря вам, мисс Адлер, – слегка поклонился Ван Хельсинг. – Я получил вашу записку. Чему обязан?

– Если я скажу, что просто захотелось вас увидеть – вы поверите? – спросила Ирен и улыбнулась в ответ на усмешку Ван Хельсинга. – Это правда, но еще мне нужен дружеский совет. – И она решительно взяла профессора под руку. Они были примерно одного роста, Ван Хельсинг, по своему обыкновению, слегка сутулился. – Здесь есть прекрасная чайная комната. Составите мне компанию?

– Я к вашим услугам, – галантно отозвался Ван Хельсинг, гадая, какого рода совет мог понадобиться его спутнице.

Судьба свела их чуть более года назад. Мисс Адлер готовилась открыть новую главу своей жизни под именем миссис Годфри Нортон, жены респектабельного юриста и хозяйки большого дома. Но история их знакомства (она пела на концерте в доме его тетки), обстоятельства их

романа, наконец, окутанная флером тайны помолвка – все эти заключительные эпизоды дамского романа на деле обернулись лишь прелюдией к настоящей драме.

– Я вернулась в Лондон, – начала Ирен, когда подали чай и официант бесшумно удалился. – Вижу, вы удивлены этим, как была и я сама, приняв такое решение. Когда-то мне казалось, что нужно бежать как можно дальше и прятаться как можно надежнее.

– Ваше мнение изменилось? – спросил профессор.

– Я поняла, что не смогу спрятаться. И больше не хочу. То, что было, произошло в реальности, и теперь оно всегда со мной в моих воспоминаниях, это часть меня. Как и новые знания и новый опыт. Я больше не буду убежать. Попробую начать с чистого листа, купить какую-нибудь маленькую виллу в тихом местечке.

– Милая сударыня, – тепло сказал Ван Хельсинг, – отрадно слышать о ваших планах. Я рассматриваю их как добрый знак возвращения вашей душевной крепости, которая столь необходима в наши дни. Мой друг Джонатан Харкер, которого вы, без сомнения, помните, будет так же счастлив, узнав о них, как счастлив теперь я, и наверняка с готовностью окажет вам содействие в поисках и оформлении документов. Если это тот самый совет, в котором вы нуждаетесь, то считайте, что уже получили наше безоговорочное согласие.

– О, вы по-прежнему компаньоны, – Ирен пригубила чай. Профессор кивнул, улыбкой поощряя молодую женщину продолжать. Она сделала паузу, прикусив губу ровными белыми зубками. – Я рада, что встретила сегодня вас, это рассеяло мои сомнения. – Видя недоумение собеседника, она пояснила: – Я раздумывала, следует ли писать вам, кроме того, у меня не было ни малейшей уверенности, что вы по-прежнему в Лондоне, и возможно, что все это только игра моего воображения. Но вот я вижу вас в этом отеле, где сама живу, и мне кажется, это знак.

– Прошу вас, – сказал Ван Хельсинг, – располагайте мной.

– Вам известны случаи, когда, узнав нечто новое, ты начинаешь вдруг находить его следы повсеместно? – начала Ирен издалека. – Даже в самых неожиданных местах. Достаточно лишь один раз допустить в свою жизнь предположение... и поверить в его правдивость... Простите мою многословность, профессор... Вчера я была на балу у леди Аскот. Среди гостей мне встретился один молодой человек, он сказал, что приехал из Трансильвании. Граф Аурель фон... – она нахмурилась, пытаясь правильно произнести трансильванскую фамилию.

– О, – перебил ее Ван Хельсинг, – мне знакомо это имя. Стало быть, он произвел впечатление?

– Именно о впечатлении я хотела бы вам рассказать, – задумчиво произнесла Ирен. – Видите ли, я заметила кое-какие особенности в его наружности.

– Я весь внимание, – подался вперед Ван Хельсинг.

– Первое, он неестественно бледен, мертвенно бледен, я бы сказала. Такого эффекта можно достигнуть, наложив слой театрального грима, но граф не пользуется гримом. Или можно подумать, что он никогда не был под солнцем. И второе, точнее, самое главное... – Ирен порывисто протянула Ван Хельсингу руку, которую тот ободряюще пожал. – Видите ли, профессор, этот молодой человек не отражался в зеркалах!

Она посмотрела на Ван Хельсинга, и в ее взгляде читалось: «Вы мне верите? Объясните тогда, что я видела!»

Ван Хельсинг отпил из своей чашки, промокнул губы салфеткой.

– Моя дорогая, – сказал он мягко, – прекрасно понимаю ваши сомнения, предвижу также вопросы. Позвольте сказать: вместе с нами, представителями вида homo sapiens, под солнцем, а чаще под его ночным двойником, полумистической луной, обитают и другие существа.

– То есть граф не человек? – Ирен передернуло. – Это возможно?!

– Ваш знакомец имеет человеческий облик, ему присущи людские привычки и эмоции. К сожалению, – вздохнул Ван Хельсинг, – представители его вида мало изучены, точнее, практически не изучены в современной науке.

Ирен, казалось, не вслушивалась в его слова, ее тонкие пальцы комкали салфетку, взгляд сосредоточился на фарфоровом боку заварочного чайничка. Ван Хельсинг по-отечески похлопал по ее руке.

– Будет лучше для всех, мисс Адлер, если вы станете избегать встреч с графом, – сказал он. – А если встреча неизбежна, постарайтесь не показать, что знаете его секрет.

– Но кто он? – тихо спросила Ирен, повернув к профессору сосредоточенное лицо с трагическим изломом бровей.

– Носферату, – так же тихо ответил Ван Хельсинг.

Вернувшись на Вествик-гарденс, профессор осведомился у хозяйки, дома ли мистер Харкер, однако тот все еще отсутствовал, более того, даже не сообщил почтеннейшей миссис Тернер, намеревается ли вернуться к ужину, и не подал ни единой весточки. Ван Хельсинг почувствовал укол беспокойства: задание, за которое взялся его молодой компаньон, могло быть опасным из-за связи с оборотнем. Хотя с памятной встречи прошло уже почти два месяца, профессор знал, что ни в коем случае нельзя недооценивать злобность и мстительность твари, при этом, несмотря на всю тщательность поисков, он пока что мало в них продвинулся и не обнаружил ни логова зверя, ни, если верны были мрачные предположения, его хозяина.

К счастью, беспокойство оказалось напрасным: Джонатан вернулся через час, заметно уставший, но невредимый. Миссис Тернер кивнула и отправилась сервировать стол, а постельцы поднялись в свои комнаты, чтобы переодеться к ужину.

Кухарка заканчивала священнодействовать на кухне, Ван Хельсинг же в это время посвящал друга в детали своей встречи с лордом Гамильтоном и лордом Дарнемом и, подумав, решил также рассказать и о встрече с Ирен Адлер. Джонатан выслушал его с несколько рассеянным видом, лишь отметив, что охотно поспособствует в поиске дома, коль скоро все равно занят этим для графа, пусть только мисс Адлер поведаст о своих предпочтениях. К тому же он абсолютно согласен с компаньоном в том, что ей не стоит сводить близкую дружбу с графом из Трансильвании, пусть даже тот в Лондоне совершенно законно и намерен придерживаться правил хорошего тона. Ему же профессор не задал ни единого вопроса, ожидая, пока молодой человек соберется с мыслями и изложит все сам. Однако подходящее время наступило только после ужина, когда они поднялись в библиотеку.

– Я никогда раньше не вел уголовных дел, – поведал Джонатан, снимая с полок толстые тома юридических справочников и складывая их на столе. – Вопросы наследования, недвижимость, бракоразводные процессы. Несколько раз ассистировал при защите обвиненных в незначительных преступлениях. Придется много всего изучить, – он окинул взглядом уже внушительной величины стопку книг, напоминающую средневековую башню, – да, и самым тщательным образом. Как вы думаете, профессор, я совсем сошел с ума?

– Вы взялись представлять интересы вашего друга в суде? – понял Ван Хельсинг. – Уверен, вы справитесь.

– Ему следовало бы нанять более опытного в криминальных делах защитника-барристера, – вздохнув, Джонатан присел на край стола. – Я обратился к паре знакомых, но они отказались братья за это дело. Один, правда, предложил версию с умопомешательством и убийством на почве помрачения рассудка и сказал, что мог бы попробовать добиться замены тюремного заключения на лечебницу для душевнобольных.

Джонатан дернул плечом, будто от холода, и Ван Хельсинг понял, почему: в прошлом им доводилось навещать одно из подобных заведений, и не имевший врачебной закалки адвокат наверняка предпочел бы туда больше не возвращаться.

– По крайней мере, – продолжил Джонатан, – я точно знаю, что бедняга Кэмпбелл не виновен и не лишился рассудка. И знаю, кто на самом деле совершил это преступление. Осталось только доказать это.

– Ваш друг все еще под арестом? – поинтересовался профессор.

– Да, заключенных по обвинению в тяжких преступлениях редко освобождают под залог. Хотя я и предполагаю, что его арестовали больше от безысходности, но Джеффри был слишком потрясен случившимся и не сумел представить убедительных объяснений, а полицейский инспектор выдвинул обвинение. Никаких прямых улик, никаких свидетелей, никакого признания – кроме его собственного в том, что он ссорился с покойным Бартоломью Филдом накануне! Поскольку ссора возникла из-за женщины, это сочли достаточным основанием для убийства! – Джонатан изменил голос, подражая тону судьи: – Посему, дело передать в суд.

– Стоит полиции кого-то арестовать, и вот уже возникает непреодолимое желание доказать, что именно этот арестованный виновен в преступлении, – прокомментировал Ван Хельсинг. – Очень сложно совладать с искушением.

– Мне удалось добиться отсрочки суда, – сказал адвокат. – У нас в Лондоне не любят затягивать, сегодня арест, завтра суд, послезавтра виселица. Теперь, по крайней мере, будет время подготовиться... Кэмпбелл будет ждать суда в тюрьме, но ему разрешили повидаться с невестой. Очаровательная девушка, узнала о происшествии из утренних газет и немедленно примчалась в полицию. После нее остались разрушения, сравнимые с последствиями средних размеров торнадо. Если я проиграю дело, она, вероятно, собственноручно меня четвертует.

– Расскажите мне о нападении оборотня, – попросил Ван Хельсинг.

– Вряд ли это можно считать достоверными свидетельствами. – Обстоятельства... темнота, ужасное волнение, страх, он сам честно признался, что не уверен, что именно было на самом деле, а что могло привидеться. Но я склонен верить ему... – Он пересказал компаньону слова арестованного приятеля, потом достал из кармана блокнот с пометками и перелистал страницы. – Я также побеседовал с констеблями. Убийца управлял кэбом, сам экипаж нашли сегодня утром в нескольких кварталах от места трагедии, пустым и перевернутым, лошадь освободилась и бродила по улицам. А позавчера, – мрачно добавил он, – был обнаружен окоченелый труп, вероятно, жертва уличного грабежа. Опознан как Джон Доббс, кэбмен. Его наниматель заявил в полицию, когда тот не явился с очередным еженедельным взносом и не вернул брум, которым управлял.

– Вы полагаете, что эти трагедии взаимосвязаны?

– Так подсказывает логика, – кивнул Джонатан, опускаясь в свое любимое кресло. – Оборотень убил беднягу Доббса, чтобы завладеть его экипажем, которым и пользовался для своих черных дел. Более того, это не первый случай, за последние два месяца пропали без вести уже трое кэбменов, считая Доббса – четверо. Тела не были найдены.

– Возможно, он пользуется этой личиной, чтобы искать жертвы, – сказал Ван Хельсинг. – Что может быть обыденнее, чем следующий привычным маршрутом лондонский кэб!

– К сожалению, я не смог узнать больше, – Джонатан запустил пальцы в волосы. – Нужно побеседовать с владельцами всех контор и опросить самих кэбменов...

– Вы не сможете сделать это сами, друг мой. Нам понадобится помощник.

– Предлагаете обратиться к частному детективу?

– Нет, – ответил профессор, – это слишком опасно – для него. Мы с вами знаем, с чем имеем дело, однако мало кто воспримет это всерьез.

– Еще кое-что! Вы упоминали сегодня утром, что обычные собаки становятся агрессивнее в присутствии оборотня. А как ведут себя лошади?

– Все утверждают, что лошади проявляют беспокойство, отказываются повиноваться даже кучеру, к которому привыкли, могут сорваться и понести, как в присутствии хищника, их природного врага, – ответил Ван Хельсинг после недолгого раздумья. – Но в Лондоне, похоже, подобного не происходит, коль скоро оборотень в состоянии заниматься извозом. Это может означать, что... он защищен, его сущность неощутима. Возможно, специальный состав,

изменяющий запах... – глаза за круглыми стеклами очков вспыхнули, и профессор сорвался с места, к высокому шкафу. – Где же эта книга... подождите, сейчас я найду нужный раздел...

– Профессор, – Джонатан встал, – в нашу первую с ним встречу вы упоминали, что эти существа – не городские обитатели, и что кто-то мог привезти его в Лондон как домашнее животное... а может, как слугу?

Ван Хельсинг прервал поиски и повернулся к своему товарищу. Пламя все никак не гасло в его голубых глазах, а губы постепенно расплывались в улыбке.

– Вы по-прежнему считаете, что нам в этом деле понадобится помощник? – спросил Джонатан.

– О да, – кивнул Ван Хельсинг. – Помощник совершенно особого склада характера, для чрезвычайных поручений.

Следующие дни не принесли никаких важных новостей. Профессор Ван Хельсинг, верный обещанию, посетил Британский музей, чтобы изучить мумию, и пока что не обнаруживал в ней готовности пробудиться от священного сна, дабы предъявить претензии к содержанию и обращению.

Джонатан занимался поисками подходящего жилья для трансильванского графа – несмотря на все заверения Игоря в том, что его хозяин соблюдает крайнюю осторожность, хотелось покончить с этим заданием как можно скорее. Попутно он продолжал изучать справочники, искать прецеденты и готовиться к защите Джеффри Кэмпбелла в суде. Дважды он навещал приятеля в тюрьме, тогда же беседовал с Элайзой, действительно премилой шатенкой с дерзкими серыми глазами и россыпью веснушек. О намерениях профессора Ван Хельсинга нанять им помощника Джонатан в своих заботах позабыл и не вспоминал ровно до вечера вторника. Миссис Тернер в этот день слегла с инфлюэнцей, профессор, назначив ей лекарства и самым тщательным образом проинструктировав служанку Энни, сам подал компаньону ужин, сервировав его в маленькой угловой столовой на первом этаже.

– Я бы хотел, чтобы вы взглянули вот на это, – с этими словами Ван Хельсинг протянул адвокату свежий номер «Таймс». – Помните, не так давно мы пришли к согласию в том, что нам нужен помощник?

– «Работа с риском для жизни», – Джонатан прочитал вслух заголовок объявления и обратил к профессору недоумевающий взгляд. Тот улыбнулся, поощряя молодого человека читать дальше. – «Частному лицу требуется помощник для выполнения деликатных поручений. Обращаться строго с 6 до 7 вечера по адресу...» Вы дали наш адрес? Пойдите... «Спросить Джо Андерсона». Это еще кто?

– Это ваш покорный слуга, – с усмешкой ответил Ван Хельсинг. – Я уже предупредил нашу милейшую хозяйку, помоги ей бог и современная медицина побыстрее подняться на ноги.

– Готов биться об заклад, ей не понравилась ваша затея.

– И вы бы выиграли, вне всякого сомнения. Но куда мы исправно платим за квартиру и компенсируем миссис Тернер все убытки, нанесенные некоторыми нашими клиентами...

– «Деликатные поручения»! – перебил его Джонатан, откладывая газету в сторону. – «Работа с риском для жизни»!.. Вам не кажется, что это несколько... чересчур? Кто постучится в нашу дверь, прочитав это объявление?

– Наша работа весьма опасна, – мягко заметил Ван Хельсинг, поднявшись из-за стола и подойдя к окну. На подоконнике были расставлены керамические горшки, в которых росли милые сердцу миссис Тернер герани. Среди них затерялось несколько растений иного вида – длинные тонкие стебли, увенчанные круглой головкой с мелкими белыми цветками. Ван Хельсинг в задумчивости коснулся именно их. – И некоторые задания могут сказаться ужасными последствиями для совести и чести джентльмена.

– Я понимаю, профессор, – склонил голову Джонатан и вдруг замер. – Слышите? Снова этот звук... мне показалось, что я слышал его и сегодня ночью...

Ван Хельсинг прислушался и решительно покачал головой.

– Я не слышу ничего сверх привычного. Думаю, вы просто устали, возложив на себя слишком много обязанностей в последние дни. Пожалуй, я выпишу вам успокоительные капли для крепкого сна.

– Благодарю, – Джонатан сдержал улыбку. – Наверное, вы правы и все это лишь последствия переутомления. Так сколько человек уже откликнулось на объявление?

– Трое. Всем было отказано.

– О.

– Да, представьте себе! – Ван Хельсинг вернулся к столу и принялся собирать тарелки. – Двоих я отверг сразу же, а третий не понравился миссис Тернер. Она сказала, что он напоминает ее двоюродного племянника из Ньюкасла, способного продать собственную душу и душу родной матери, найдись на них покупатель.

– И что с ним случилось? – с любопытством спросил Джонатан, убирая в буфет хлеб и масленку.

– Он плохо кончил.

Как точка в истории про бедолагу, прозвенел дверной колокольчик.

– Если вас не затруднит, друг мой, откройте, – сказал Ван Хельсинг.

В эту предвечернюю пору сумерки уже загустели, окутывая предметы и прохожих синеватой дымкой, а фонари еще не зажглись. Снег таял в воздухе, падая на землю капельками дождя, а от выпавшего прошлой ночью остались только редкие островки.

Джонатан готов был поклясться, что когда он открыл дверь, на пороге никого не было.

– Кто там? – крикнул из глубины дома профессор. Джонатан обернулся на голос.

– Похоже, никого. – И, вернувшись к двери, нос к носу, метафорически выражаясь, столкнулся с посетителем.

– По объявлению, – прошепело из-под черной маски, полностью скрывавшей лицо гостя.

– Прошу, – сказал Джонатан и принял из рук незнакомца шляпу и дорожный плащ, оказавшийся, несмотря на погоду, сухим. Впрочем, он уже давно приучил себя ничему не удивляться, ибо, как показывала практика, невозможное на первый взгляд становилось вполне возможным на второй, на третий требовало решительных действий, а на четвертый – выписывало чек за оказанные услуги.

Соискатель – высокий, очень худой (одежда на нем висела, как на вешалке) мужчина – странной развинченной походкой вошел в столовую.

– По объявлению, – выглянул из-за его спины Джонатан, и Ван Хельсинг кивнул, приветственно улыбнулся и предложил незнакомцу сесть.

– Вы Джо Андерсон? – осведомился тот, опускаясь на самый кончик стула.

– Да. А ваше имя? – учтиво спросил профессор.

– Какого рода поручения имеются в виду? – проигнорировал вопрос гость. Спину он держал неестественно прямо, говорил с сильным французским акцентом, и Джонатан на всякий случай приготовился дать отпор, если возникнет необходимость.

– Самого разного толка, – сказал Ван Хельсинг. Со стороны могло показаться, что разговор его весьма забавляет. Возможно, так и было. – Вы давно в Лондоне?

– Некоторое время. Возможно, задержусь подольше. Если ваше предложение мне понравится.

– Для начала, – вмешался Джонатан, подозревая, что обмен любезностями может сильно затянуться, – кто вы, и есть ли у вас рекомендации?

Незнакомец расхохотался, откинув голову назад, и этот звук пробрал Джонатана до печени. Резко оборвав смех, гость неуловимым движением извлек на свет слегка помятый конверт.

– Даже в таких делах, как «деликатные поручения», – сказал он, перебирая длинными тонкими пальцами содержимое конверта, – всегда нужно держать под рукой парочку рекомендательных писем, – прозвучало не то с сарказмом, не то с откровенной издевкой. – Особенно это касается работы с риском для жизни. Пожалуй... – он извлек какие-то старые, пожелтевшие от времени, бумаги и убрал их в карман, – это лишнее. А вот это, – он протянул конверт Ван Хельсингу, – я нахожу довольно любопытным.

Джонатан заглянул профессору через плечо и увидел несколько статей, вырезанных из английских и французских газет. Верхняя была из «Ивнинг Стандарт» от 21 мая: «Вчера в парижской Гранд Опера произошел чудовищный несчастный случай. На зрительный зал упала люстра весом в несколько тонн. Убита женщина». Другие не менее впечатляли: «Восходящая оперная звезда исчезла со сцены во время представления», «Таинственная смерть в подвалах театра», «Украдено 20000 франков, полиция в недоумении» и прочее в таком же духе.

– Славно, – сказал профессор, откладывая их в сторону. – Теперь я вижу, что вы человек серьезный и решительный. Это нам подходит. Я готов назначить вам испытательный срок.

– Профессор! – негромко сказал Джонатан. Гость вздрогнул, по маске прошла рябь.

– Простите, сэр, – сказал Ван Хельсинг, обращаясь к нему, – за это маленькое недоразумение. Джо Андерсон – мой псевдоним. Меня зовут Абрахам Ван Хельсинг, я профессор Амстердамского университета, медицинский факультет, почетный член Британской академии наук, про...

– Профессор, – перебил незнакомец, подавшись вперед. Ван Хельсинг продолжал сидеть на месте, только опустил правую руку на колено. – Проводите опыты на людях, мсье? Залезаете им в голову? – Гость медленно поднялся, навис над столом, глаза в прорезях матерчатой маски загорелись недобрым желтым огнем. – Или коллекционируете всяких уродов, выходящих из чрева матери вопреки всем законам природы? – голос его звучал с едкой иронией.

– Сядьте, – сказал Ван Хельсинг вполне дружелюбно, но металлические нотки, прозвучавшие в голосе, заставили гостя умерить пыл. – Даю вам слово врача и джентльмена, что никогда не проводил опыты на живых людях и никогда не умерщвлял людей намеренно с тем, чтобы впоследствии положить их на стол для препарирования. Мои цели сейчас настолько далеки от медицинских, насколько это вообще возможно.

Незнакомец отступил на шаг. Джонатан перехватил взгляд Ван Хельсинга, молча указавшего на буфет, в котором заботливая миссис Тернер держала домашнюю наливку.

– Я бы не хотел снимать маску, – покачал головой гость, отказавшись от стакана. – Видите ли, представители рода людского всегда сожалели, когда им случалось увидеть мое лицо. Если им удавалось остаться в живых после этого.

– Итак, – Ван Хельсинг при этих словах ободряюще улыбнулся, – если вы все-таки не возражаете, сэр, я бы назначил испытательный срок перед тем, как нанять вас.

– К вашим услугам, – учтиво отозвался гость, словно и не было никакой вспышки гнева. – Когда я вам понадобится, отправьте телеграмму на главпочтамт. На имя Эрика.

Он снова стремительно поднялся, на этот раз – чтобы коротко поклониться и вылететь из комнаты. Джонатан успел дойти до порога столовой, когда входная дверь захлопнулась.

– Он же совершенно безумен! – резко бросил молодой человек.

Ван Хельсинг достал из кармана револьвер и положил на стол.

– Я не могу вам объяснить это чувство, друг мой, – его глаза погрузнели. – Назовите милосердием или интуицией, но мой внутренний голос сказал мне: «Абрахам, ты должен помочь этой жалкой заблудшей душе».

Джонатан покачал головой, но промолчал.

– Но вы правы, – продолжил Ван Хельсинг, – при случае надо постараться невзначай познакомить его с нашим общим другом, доктором Сьюардом. Такие интересные симптомы!

– Чрезвычайно интересные! – едко ответил помощник. – Еще занимательнее должен быть послужной список данного господина, состоящий, вероятно, не менее чем из половины статей уголовного кодекса. – Он взял со стола оставленный гостем конверт с «рекомендациями». – Пожалуй, я навещу инспектора Льюиса. А если он посоветует мне отправляться к дьяволу – то сержанта Стивенса, который мне кое-чем обязан. Можно связаться с парижской полицией и навести справки о нашем соискателе.

– У меня также имеются кое-какие полезные знакомства во Франции, – сказал профессор. – Если нанимаемый не чтит закон, стоит разобраться, до какой степени.

Глава 5. Ирен наносит визиты

Ирен не любила появляться в салоне леди Мод ни первой, ни последней, поскольку в обоих случаях это означало, что ее будут пристально рассматривать и, скорее всего, обсуждать за спиной. Досужих разговоров она не боялась, но считала дурным тоном быть героиней сплетен, особенно сейчас. В прошлом, будучи куда моложе и легкомысленнее, она понимала, что к подобному можно привыкнуть, можно научиться пропускать мимо ушей многозначительный шепот, взгляды и намеки, можно обзавестись непробиваемой броней и не позволять даже самым жестоким словам ранить себя, но полюбить сплетни – нет, никогда. Поэтому она всегда старалась приезжать в дом напротив Гайд-Парка, когда уже там соберется несколько гостей – в основном, давние друзья и завсегдатаи, искренне преданные хозяйке.

Сама леди Мод, сухонькая, в букольниках, старушка с прямой, как доска, спиной, сидела возле чайного столика и с уверенностью генерала, направляющего полки в атаку, руководила общим течением беседы. Начать вечер она решила с двух классических тем: для кружка, собравшегося вокруг лорда Хэвишема, таковым стало вечное и всегда уместное обсуждение погоды, более юным гостям было прилично поговорить о новом сезоне в театре «Олд Вик». Юными леди Мод считала всех моложе сорока.

Тем, кто пока не желал принять участие в беседе, испытывал муки выбора, либо же набирался смелости и ожидал наилучшего момента для выступления с собственной репризой, были предложены альбомы по искусству.

За просмотром работ Констебля и Тернера Ирен застал юный трансильванский граф, на этот раз в более привычном для английского общества одеянии. Изящно поддернув брюки, он присел на краешек дивана, мизинцем коснулся раскрытой страницы и сказал:

– Эти английские пейзажи полны очарования.

– Боюсь, что на картинах они выглядят скучно, – улыбнулась Ирен.

– Вы находите? – Граф склонил голову, рассматривая искусно выписанную телегу с сеном. – Нет, в них есть особая прелесть, которой не обладают наши леса и горы, – он вздохнул и поменял тему. – После нашего знакомства у леди Аскот я надеялся встретить вас еще раз. Мне сказали, вы любите гулять, я ездил в Гайд-Парк, даже подхватил легкую простуду!..

– В такую погоду – в Гайд-Парк? – притворно ужаснулась Ирен. – Бедняжка.

– О, вы уже начали жалеть меня, – Аурель скромно потупился, бросив лукавый взгляд из-под опущенных ресниц. – Это верная примета – скоро мы с вами подружимся.

– Вы излишне самоуверенны, – заметила Ирен чуть более холодным, чем принято для дружеской беседы, тоном.

– Я вас расстроил, – огорчился граф. – Готов загладить свою вину. Скажем, завтра? Будут давать «Травиату», я абонировал ложу.

– Боюсь, это несколько... неудобно, – тщательно подбирая слова, сказала Ирен и украдкой огляделась. Граф говорил вполголоса, но кто угодно при желании – а данное общество никогда не испытывало недостатка в желающих – мог его услышать.

– Отчего же? Впрочем, понимаю... Вам претит излишнее внимание со стороны толпы. Мы похожи в этом, я тоже в некоторые моменты люблю уединение. А что вы скажете об ужине? Мой слуга, я привез его из Трансильвании, превосходно готовит. В моем номере в отеле нам никто не помешает.

– Увы, – Ирен со значением посмотрела собеседнику в глаза. Чего больше в его предложении: наивности юности, незнания иностранца или же простого нахальства? – В Лондоне приходится мириться с массой условностей. Мужчинам простительно вести себя дерзко, но женщинам следует беречь репутацию и остерегаться подобных разговоров. – Она очень надеялась, что граф правильно поймет ее.

– Прошу великодушно меня простить, – сказал он, обаятельно улыбаясь, – я не слишком хорошо знаком с местными обычаями. Стало быть, салон не подходит? Да, здесь тоже не избавиться от посторонних глаз и ушей. Где же полагается вести такого сорта беседы, чтобы нас никто не побеспокоил? Может... в ванной комнате?

Ирен решила, что ослышалась, и, боясь уточнять, что именно собеседник имел в виду, списала все на определенный языковой барьер, ведь английский не был родным для гостя. Она поднялась, коротко кивнула, давая понять, что разговор окончен, и под села ближе к лорду Хэвишему, который немедленно призвал ее в свидетельницы того печального факта, что климат Англии меняется в худшую сторону.

Профессор Ван Хельсинг рекомендовал ей избегать графа – и она по здравом размышлении решила воспользоваться его дружеским советом.

После бала у леди Аскот мисс Адлер нанесла только те визиты, что были необходимы для поддержания приличий, избегая домов, где могла бы встретить носферату, затем, выяснив окольным путем, что он заядлый театрал, отклонила несколько приглашений, в том числе в любимый Ковент-Гарден. Вместо этого она уединилась в библиотеке. Некоторые книги ей прислал лично Ван Хельсинг, их изучение заняло немало времени, она даже выписала некоторые сведения в свой дневник. Кажется, теперь она лучше понимала, с кем имеет дело.

И вот, пожалуйста, – она встретила его в гостиной леди Мод!

Первой и вполне естественной реакцией Ирен было желание тайком осенить себя крестным знаменем. А затем она не без изумления поняла: граф имеет на нее определенные виды, иначе не стал бы на виду у всех затевать разговор, разве что в его стране так принято. Но это весьма сомнительно.

Интересно, размышляла Ирен, участливо кивая миссис Уолш, которая по знаку леди Мод начала какую-то нравоучительную историю, интересно, в качестве кого этот господин ее рассматривает? В одной из книг она читала, что вампиры любят играть со своей жертвой, как кошка с мышкой, однако манеры графа не походили на поведение охотника. Скорее он заигрывал, весьма откровенно, надо заметить, но с подлинным очарованием. Это было непонятно и немного пугало. Хотя, незаметно вздохнула Ирен, неизвестно, чего следует опасаться больше, носферату или сплетен, которые непременно разлетятся среди здешнего общества – даже нескольких слов, которыми они обменялись с графом, будет достаточно. Поглощенные светскими беседами дамы, как правило, не упустили из виду ничего.

Вдруг в разговоре случилась заминка. Причина выяснилась очень скоро: прибыл еще один гость. Со своего места – между лордом Хэвишемом и полковником Пирсом – Ирен не сразу сумела разглядеть, кто стоит в дверях, но от нее не укрылся тот факт, что граф с воодушевлением поспешил навстречу таинственному визитеру. Сердце Ирен кольнуло... неужели ревность? Спустя еще два взмаха веером она узнала, кто так увлек ее юного знакомца, и признала свое поражение. В почтительном поклоне над рукой леди Мод склонился мистер Дориан Грей.

– Вы опоздали, сударь, – сказала леди Мод.

– Пунктуальность, дорогая леди, опасная вещь, она съедает слишком много времени! – ответил Грей.

Они с Ирен когда-то были представлены друг другу, уже не вспомнить, кем. Мистер Дориан Грей унаследовал огромное состояние, что позволяло ему удовлетворять свою пылкую страсть к искусству. Это поклонение принимало порой странные формы – по слухам, он, например, выкупил все картины, а к ним все эскизы и наброски одного лондонского художника, чтобы затем подарить его работы Музею изобразительных искусств. Эксцентричность сквозила и в других поступках мистера Грея. За ним тянулся шлейф самых невероятных слухов и предположений.

Впрочем, красота всегда привлекает к себе внимание и провоцирует слухи. А Дориан Грей был красив. Никто не знал его точного возраста, но в светском обществе некоторые джентльмены и леди утверждали, что были знакомы с мистером Греем еще двадцать лет назад, из чего следовал вывод, что этому человеку никак не меньше сорока. Время было не просто милосердно к нему, оно вовсе не коснулось его лица своей безжалостной рукой. Свежая кожа, белокурые волосы, лежавшие небрежной волной, прекрасно очерченный надменный рот, идеальная линия лба, великолепно вылепленный нос, – редко встретишь такие гармоничные лица. Они так и просятся на полотно. Но мистер Грей неизменно отвергал все предложения художников. Он никогда никому не позировал, запрещал делать фотографические снимки, кажется, он терпеть не мог даже зеркала.

Не отличаясь выдающимся ростом, мистер Грей, тем не менее, смотрел свысока на всех – или же такое создавалось впечатление у его собеседников. Где бы он ни появлялся, его персона везде вызывала жгучий интерес. Что бы он ни говорил, его высказывания сразу подхватывали и повторяли.

Ирен интересовал этот человек. Вокруг него так остро чувствовался ореол тайны, что пройти мимо и не обернуться было выше всяких сил.

Чтобы не терять мистера Грея из поля зрения, Ирен пересела к леди Мод.

– Мне стоило большого труда заполучить его, – произнесла та, подавая чашку чая, и пояснила, видя удивление в глазах Ирен: – Он забавно говорит. Сущие гадости, но столь изысканно, что невольно залюбуешься. Пусть молодежь развлекается, а мы, старики, будем наблюдать за ними. Ничего другого нам не остается.

– А как же давать советы? – спросила Ирен.

– Ах, милочка, в молодости мы никогда не следуем советам старших, а в старости так любим всех поучать... Видите, это слова мистера Грея.

Ирен молча отпила из чашки.

Тем временем вокруг мистера Грея уже образовался кружок из желающих послушать его.

– Ну, моя дорогая, – сказала леди Мод. – А мы с вами поговорим о предстоящем рождественском концерте.

– Прошу прощения? – Ирен, с интересом наблюдавшая, как ее недавний поклонник переходит в стан противника, не сразу поняла, что пожилая дама обращается к ней.

– Рождественский концерт, – терпеливо повторила леди Мод. – Ежегодно я устраиваю бал под Рождество, и на нем всегда бывает концерт и благотворительный аукцион. Все деньги мы потом передаем в приюты.

– О, я помню, – кивнула Ирен, – в позапрошлую зиму в Лондоне я...

– Вот и чудесно! – воскликнула леди Мод, чем привлекла внимание мистера Грея. Тот плавно повернулся к ней и спросил приятным голосом:

– Что вы находите чудесным, миледи? Неужели лондонскую зиму?

– Конечно, нет, – с материнской улыбкой качнула головой леди Мод. – Она пагубно влияет на мой артрит. Я рада, что мисс Адлер согласилась примкнуть к нашему маленькому обществу, – и старушка заговорщицки подмигнула Ирен, так что той стало не по себе. – Мисс Адлер будет выступать на концерте!

– Как мило, – приподнял одну бровь Грей. – Мисс Адлер любит Рождество или, быть может, сирот, которые получают щедрый подарок?

– В нашем обществе принято любить и то, и другое, – ответила Ирен, призывая на помощь весь свой актерский опыт. Леди Мод не оставила ей иного выбора, кроме как поддержать идею о том, что она будет выступать. С какой бы радостью Ирен попортила ей прическу... если бы только могла себе позволить подобное.

– Итак, вы будете выступать, – мистер Грей подошел к Ирен, и она поняла, что почти против собственной воли не спускает с него глаз. Она всегда была немного авантюристкой

в душе; мужчины, в которых была некая таинственность, возможно, даже опасность, привлекали ее гораздо сильнее прочих. Маленькая слабость, которую она позволяла себе в прошлом. Но готова ли она позволить себе подобную слабость в настоящем?

– Я буду петь, – Ирен на миг встретилась с ним взглядом и удивилась, насколько холодны эти глаза, хотя губы улыбаются самой приятной улыбкой.

– Я слышал, вы когда-то пели в Ла Скала, – вежливо сказал Грей. – Вы разочаровались в оперном искусстве?

– Напротив, я покинула театр, чтобы не разочароваться, – ответила Ирен. – А вы, мистер Грей, не примете участие в концерте?

– К счастью мы, мужчины, избавлены от необходимости любить сирот.

– Мне говорили, – вмешался в разговор Аурель, – что вы, сударь, когда-то блестяще играли на фортепиано.

– Это было очень давно, – ровным голосом ответил Грей, но в скользнувшем по графу взгляде Ирен заметила нечто большее, нежели праздное любопытство. Всего на секунду в глазах Грея загорелся подлинный интерес, но каким он был – она не разобрала. Возможно, даже любовным? Ее любопытство было разбужено, и она дала себе слово, вопреки обещанию избегать графа, узнать, что замышляет мистер Грей в отношении юного гостя из Трансильвании. Разумеется, она будет вести себя чрезвычайно разумно и ни на миг не забудет о возможной опасности, исходящей от обоих мужчин.

– Вы разлюбили музыку? – спросила Ирен у Грея.

– Я нашел себе новую цель, – ответил тот. – Познать все радости жизни. Теперь, правда, они мне наскучили, и я подумываю, не пора ли вернуться к музыке.

– Быть может, я уговорю вас аккомпанировать мне на концерте?

– Разве вы, мадам, не из тех людей, кто выступает а капелла? – Грей так заразительно улыбнулся, что Ирен против воли ответила на улыбку.

– А вы, сударь, – сказала она, обращаясь к графу, – не хотите ли принять участие в концерте?

– В качестве зрителя – разумеется, – сказал юноша. – Эта роль всегда удавалась мне лучше всего.

– Совершенно очевидно, что вы также скромны, – заметил Грей, и скулы графа слегка окрасились румянцем.

И далее разговор продолжился, вращаясь вокруг самых разных вещей и событий; а за окном падали пушистые снежинки, оповещая не хуже лондонского телеграфа о том, что до Рождества осталось всего несколько недель.

* * *

Кэб под номером 3011 ехал по Лондону, то сворачивая в узкие переулки и едва протискиваясь между кирпичными стенами, то выныривая на широкие улицы и вливаясь в бурлящие потоки экипажей. Мимо роскошных магазинов, банков и театров, мимо дорогих особняков и доходных домов, мимо фабрик, мелких лавок и мюзик-холлов, через Ист-Энд и Вест-Энд. Вряд ли можно было найти более верный способ рассмотреть в подробностях многоликий Лондон, чем встать на козлы и взять в руки вожжи. И пока лошадь цокала подковами, возница мог размышлять и вспоминать.

Этот высокий худой человек в неизменной широкополой шляпе, замотанный в шарф так плотно, что едва можно было разглядеть блеск глаз, прекрасно ориентировался в хитросплетениях улиц и переулков, удивляя этим талантом даже коренных жителей. Как сумел иностранец, да еще недавно прибывший в город, так быстро освоиться в этом лабиринте? – недоумевали

они. В ответ он обычно говорил, что всегда любил лабиринты, поэтому чувствует себя в них как дома, и улыбался под скрывавшим лицо шарфом.

– На Дорсет-лейн! – прозвучал очередной адрес. Возница подождал, пока господин в теплом зимнем пальто займет место в экипаже, и тронул вожжи.

Получить работу оказалось несложно. Владелец конторы не тратил время даром, в двух словах объяснил все, что нужно было знать новичку, и не задавал лишних вопросов. Через несколько часов новый работник в первый раз запряг в свой экипаж гнедую кобылу и выехал на улицы Лондона.

На перекрестке кэб остановился, и возница хэнсомовского экипажа, ехавшего мимо, приветливо помахал рукой.

Постоянно находиться среди людей, быть предупредительным с пассажирами (за чрезмерную лихость или грубое обращение могли подать жалобу в полицию), беседовать с другими кэбменами на бирже или при случайной встрече на улицах. В этом огромном городе не обращали внимания на акцент – один Бог ведает, сколько здесь собралось разных говоров, и не стремились заглянуть под скрывающую лицо ткань – в эту пору года все старались защититься от холода и ветра. Эрик, некогда парижский Призрак Оперы, быстро научился поддерживать праздные беседы, коротая время в ожидании новых клиентов, и проявлять живейшее внимание к последним сплетням и слухам, будь то загулявшая жена мясника или страшное преступление, о котором выкрикнет мальчишка-разносчик газет. Говорить, слушать и запоминать. В этом было первое задание на испытательном сроке.

Пожилой господин рассчитался и покинул экипаж, но не прошло и пяти минут, как извозчика окликнули новые пассажиры, пара, пожелавшая доехать до Альберт-холла, и Эрик спрыгнул вниз, чтобы открыть дверь.

Профессору Ван Хельсингу было нужно разузнать о происшествиях, случившихся в последние месяцы, и бывший Призрак Оперы стал его глазами и ушами в конторе наемных экипажей, где почти четыре года проработал Джон Доббс. Полиция, как просветил его наниматель, сочла беднягу жертвой грабежа – и эта версия была весьма вероятной. В Лондоне хватало нищих, отчаявшихся и обезумевших, готовых убить и убивавших за несколько шиллингов. Даже самого Эрика дважды пытались ограбить.

Четыре смерти за два месяца! Пусть труп обнаружен лишь один, но Призрак Оперы не сомневался, что и прочие, кого пока считают пропавшими без вести, мертвы. Все они были кэбменами, и все их экипажи были найдены полицией пустыми на окраинах Лондона. Свидетельства очевидцев, как это часто бывает в таких случаях, разнились, мало кто счел бы их заслуживающими доверия. Полиция обычно только отмахивалась от рассказов об огромном лохматом то ли волке, то ли диком псе с горящими глазами, который легко преодолевал самые высокие преграды, и более того – некоторые утверждали, что он превращался в человека! У полиции слишком много забот и с обычными преступниками...

Именно поэтому кэб под номером 3011 то и дело проезжал районы, где вряд ли мог найти клиента. Во все места, где зверь напал или просто был замечен, приходил странный человек, говоривший с сильным французским акцентом и никому не показывавший своего лица, чтобы осмотреть каждый дюйм земли и стен.

Дважды он был близок к цели. В первый раз – когда подвозил отчаянно ругавшегося шотландца, увы, тот не собирался обсуждать свое приключение с каким-то кэбменом, но Эрик на всякий случай хорошо запомнил и пассажира, и адрес, по которому его отвозил. Второй раз он ехал по Суондем-лейн и услышал крик ужаса. С ним не было пассажира, поэтому он, не раздумывая, свернул и погнал экипаж на голос. Женщина средних лет с большой корзиной шла из бакалейной лавки, она осталась жива и почти невредима. Дождавшись констебля, Эрик ответил на несколько вопросов и покинул место происшествия, составляя в уме очередной отчет для профессора Ван Хельсинга.

Поворот, еще один. Вот и цель. Пассажиры вышли, а вознице пришлось поскучать, ожидая следующего заказа и сожалея, что нельзя оставить кэб и заглянуть в одно из недавно открывшихся кафе по соседству – с утра он успел порядочно проголодаться. На помощь пришли уличные торговцы. Разжившись мясным пирогом и несколькими сморщенными яблоками, Эрик решил сначала угостить свою четвероногую помощницу.

В прошлом он немало времени провел в обществе этих благородных животных и, несмотря на последовавшую за тем долгую разлуку, не растерял ни памяти, ни навыков. Доставшаяся ему гнедая кобыла оказалась послушной и неприхотливой, склонной к философскому взгляду на мир, а также обладала немалыми лингвистическими способностями – он убедился в этом, затеяв с ней временами беседы на родном французском языке. Гнедая слушала внимательно и сдержанно комментировала фырканием. У них установилось полное взаимопонимание, и Эрик даже начал подумывать о том, чтобы выкупить четвероногую соратницу, получив жалованье по окончании дела. Мысль показалась странной, когда впервые пришла в голову, но чем дольше он обдумывал ее, тем больше положительных сторон находил.

А вот и новый пассажир.

– В Сити! – велел он, и Эрик, вытерев руки, занял свое место на козлах.

Когда он не работал, то часто просто бродил по улицам Лондона, ревниво сравнивая его с Парижем и всегда в пользу последнего. Увы, Париж изгнал его.

Был уже вечер, когда Эрик высадил последнего клиента возле небольшой старинной церкви. Подбросив на ладони полученные монеты, он опустил их в карман и задумчиво побренчал ими – по всему выходило, что денек выдался удачным, хватало и пассажиров, и заработанных денег. Второй наниматель – профессор Ван Хельсинг – тоже не скупился, но в работе сыщика сегодня пришлось сделать небольшой перерыв. Впрочем, он ничего не пропустил: зверь в этот день ни на кого не напал.

Здраво рассудив, что пассажиру, которого он доставил к церкви, затем наверняка понадобится транспорт обратно, а если не ему – то кому-то другому, Эрик решил задержаться.

Уже стемнело, недавно выпавший снег мерцал под чистым звездным небом, совсем рядом горел газовый фонарь, и теплый свет лился сквозь разноцветные стекла в окнах церкви. Там играл орган, и его строгая торжественная мелодия приглашала редких прохожих остановиться, послушать и зайти в храм.

Позавидовав, Эрик подъехал поближе к фонарю и достал из кармана пальто карту Лондона. План города пестрел карандашными значками, отмечавшими места встреч со зверем. Таковую же карту, но больших размеров, он заметил на стене в квартире профессора Ван Хельсинга, и точно так же тот вместе с помощником делал пометки, стремясь найти закономерность в действиях монстра.

Призрак Оперы вел собственные записи, отмечая на карте символами-крестиками черного цвета – места нападений, синего – места встреч, где хищника замечали, но без тяжелых последствий для здоровья заметивших. Сложнее всего было отделить правдивые рассказы о случившемся от выдумок или заблуждений. На таинственного зверя стремились свалить почти все происшествия и нападения, справедливо полагая, что вряд ли он явится отстаивать свою непричастность.

Верфи Ист-Энда – настоящее раздолье для такого существа: территории, ужасающие своей бедностью, где жизнь стоит дешево, а мертвые находят последнее упокоение на дне Темзы. Но еще больше интереса вызывала другая часть Лондона, из которой не приходило жутких новостей – там их предпочитали держать за закрытыми дверями, выпуская наружу лишь смутные слухи. Жалобы на внезапный лай собак, чье воспитание могло сравниться с аристократическим, возбужденный рассказ горничной, которую до полусмерти перепугало некое видение в одном из богатейших домов, – Ван Хельсинг особо велел обращать внимание на подобные происшествия.

Органист сбился, заставив Эрика болезненно поморщиться. Безусловно, было бы странно ожидать выдающегося мастерства от исполнителя в этой маленькой церкви не самого фешенебельного района. Призрак Оперы поймал себя на желании немедленно войти внутрь, указать на ошибку, и побороть это искушение оказалось непросто.

Спрыгнув, он подошел поближе к ограде, прислушиваясь и пытаясь представить себе органиста: наверняка это совсем еще молодой человек, старательный, но неопытный. Из-за этого и допускает ошибки, незаметные для большинства, но не для феноменально тонкого слуха человека в маске.

Пока он подсчитывал про себя замеченные недочеты исполнителя и их возможные причины – пожалуй, он все же заглянет в церковь, а потом, когда будет больше свободного времени, даже поспособствует совершенствованию мастерства музыканта – в мелодию вплелся чистый женский голос, и Эрик замер на месте, пораженный. Голос был не просто сильным и красивым, за исполнением стояли долгие годы ежедневного труда, самоотдача и талант.

Он не ошибался, не мог ошибиться: в церкви пела оперная примадонна.

Сделав еще два шага, он снова остановился и прислонился спиной к ограде, целиком обращаясь в слух. Не голос юной девушки, хотя и сравнимый своей чистотой и прозрачностью с пением ангела, но голос женщины, королевы и властительницы. Память услужливо предложила на выбор полудюжину имен, но ни одна из известных ему певиц не наполняла свое пение таким богатством оттенков. Ни одна, кроме... да! Много лет назад, до переезда в Париж, задолго до начала трагических событий, превративших бывшего хозяина Оперы в ее изгнанника, в Италии, в волшебной музыке Верди он слышал этот же голос.

Пение смолкло, и Эрик, с трудом стряхнув с себя наваждение, быстро вернулся к экипажу.

Прошло еще минут десять, прежде чем на улице показались двое: невысокий пожилой мужчина поддерживал под локоть спутницу, закутанную в шубку. Женщина несла толстую кожаную папку с нотами, а лица Эрик со своего места не рассмотрел. Господин окликнул его и махнул рукой, подзывая.

– Моя дорогая мисс Адлер, вы должны подумать о возвращении на сцену! – пылко произнес он, кланяясь на прощание спутнице, уже усевшейся в кэб. – Вы совершаете преступление, скрывая свой талант от публики!

– Нет, мой дорогой мистер Эдкинс, – покачала та в ответ головой, – мне лестна ваша похвала, но я знаю свои истинные возможности: я упустила слишком много времени, и слишком много усилий понадобилось бы мне, чтобы все наверстать, даже при самом жгучем моем желании, которого я, к тому же, не испытываю. – Она снова покачала головой. – Нет, мне милее нынешняя жизнь.

– В таком случае, счастливы те, кто услышит вас в Рождество. До встречи на следующей репетиции, мисс Адлер.

– В четверг, мистер Эдкинс.

Откинувшись на сиденье, пассажирка скользнула по вознице безучастно-вежливым взглядом.

– Отвезите меня в отель «Браун», – сказала она.

* * *

– Куда вы нынче, Джонатан? – спросил профессор, зажав трость подмышкой и натягивая перчатки.

– Как бы мне ни хотелось употребить время на более важные занятия, сегодня придется посетить еще несколько особняков, которые я подбираю для нашего трансильванского гостя, –

ответил молодой человек. Оба спустились с крыльца, и Джонатан придержал для профессора калитку.

– Его сиятельство все еще не принял окончательного решения?

– Он очень капризен. То местоположение не подходит, то цвет фасада, то узор решетки, то история дома недостаточно кровавая. Признаться, его предшественник в вопросах недвижимости доставил куда меньше хлопот.

Ван Хельсинг фыркнул и сочувственно похлопал помощника по плечу.

– Крепитесь, друг мой. Пусть вас согревает мысль, что мои коллеги из Музея естественной истории охотно заложили бы душу ради возможности столь тесного общения с представителем иного разумного вида.

– И горько бы разочаровались, – язвительно произнес Джонатан. – Если, конечно, их не интересуют последние сплетни светского общества и новинки моды на Стрэнде.

Ранним утром движение на Вествик-гарденс-стрит было не слишком оживленным, но едва Джонатан поднял руку, перед ним словно из ниоткуда соткался кэб.

– А вы, профессор, куда направляетесь?

– Я должен представить лорду Гамильтону отчет о проделанной работе, – сказал Ван Хельсинг, садясь в экипаж. – Вы присоединитесь?

– Пройдусь пешком до подземки, – покачал головой Джонатан. Ван Хельсинг коснулся рукой края шляпы, прощаясь, и назвал кучеру адрес Британского музея.

Кэб свернул за угол и влился в общий поток. Распогодилось, и профессор невольно залюбовался городом. Некоторые дома и витрины магазинов уже начали украшать к Рождеству, полицейские важно позировали на их фоне. Обычное лондонское утро, и почтенная публика даже не задумывается, что ночью город сбрасывает маску респектабельности, показывая истинное лицо.

Карета замедлила движение: на перекрестке пытались разъехаться два омнибуса. Неуклюжие, как левиафаны, они собрали вокруг себя другие экипажи и кучку зевак. В толпе мелькнула физиономия типичного пройдохи, и Ван Хельсинг усмехнулся: в скором времени парочка прохожих лишится кошельков, часов и портсигаров.

Кэб качнуло, когда кучер направил его в переулок, чтобы объехать затор. Менее чем через четверть часа они остановились возле музея, и Ван Хельсинг с ловкостью двадцатилетнего юноши спрыгнул на землю.

– Прекрасная погода, сэр, не так ли, – услышал он приглушенный голос кучера. – Очень английская.

– Да, – отозвался Ван Хельсинг, рассеянно шаря по карманам пальто в поисках мелочи, чтобы расплатиться. Его внимание привлекла элегантная коляска, остановившаяся поодаль. Секунду спустя лорд Дарнем уже подавал руку поочередно двум дамам, прибывшим с ним. Одна, с лошадиным лицом, была профессору незнакома, а вот вторая... Модного кроя пальто облегалo ее стройную фигуру, на лице то и дело вспыхивала улыбка. Было совершенно очевидно, что Ирен Адлер, в отличие от другой дамы, наслаждается показавшимся из-за облаков солнцем, да и компания лорда Дарнема не кажется ей неприятной.

Ван Хельсинг вложил несколько шиллингов в раскрытую ладонь кучера, и тот не глядя сунул их в карман. Его лицо, заматанное в шарф грубой вязки, было обращено к вновь прибывшим. В глазах загорелся странный желтый огонек, из-под шарфа послышалось несколько слов на французском языке.

– Что вы сказали? – переспросил профессор, решив, что кучер обращается к нему.

– Я говорю, эта женщина меня преследует, – ответил кучер и весело добавил: – Полно, «мистер Андерсон», неужели вы меня не узнали в этом маскарадном костюме? – Он хихикнул и подмигнул Ван Хельсингу.

– Эрик? – сказал тот с удивлением в голосе. – Ах да, вы же на работе.

– Истинно так, сэ-р, – кивнул в ответ бывший Призрак Оперы, нарочито грассируя.
– Профессор! – лорд Дарнем окликнул Ван Хельсинга, приветственно помахал рукой и сказал что-то своим спутницам.

– Я буду поблизости, – сообщил Эрик. – Во сколько вас забрать?

– Право, затрудняюсь ответить. Наверное, двух часов мне хватит, чтобы закончить все дела.

Эрик погладил свою лошадь по морде и кивнул.

– Вы знакомы с мисс Адлер? – спросил Ван Хельсинг.

– Еще чего, – буркнул Эрик и поспешно занял свое место на козлах.

Минутой спустя состоялось знакомство профессора и драгоценной супруги лорда Дарнема, после чего вся компания направилась к входу в музей.

Лорд Дарнем выразил радость от встречи с профессором, сообщил, что давно намеревался показать жене сокровища Британской короны, потом он говорил что-то еще, леди Дарнем при этом кисло улыбалась, а мисс Адлер следовала за супругами с безмятежным видом.

Ван Хельсинг замедлил шаг, поравнялся с Ирен и предложил ей руку.

– Профессор, как я рада, – негромко сказала она. – Признаться, согласилась на экскурсию по музею только в надежде встретить вас. Лорд Дарнем говорил, что вы работаете над какой-то загадкой и в это время дня вас всегда можно застать в хранилище.

– Да, сударыня, ваш покорный слуга заделался египтологом, – с улыбкой ответил Ван Хельсинг. – Вы, как я вижу, знакомы с лордом?

– С лордом почти нет, – сказала Ирен. – А вот леди Дарнем я когда-то неплохо знала. Теперь возобновила знакомство. И на днях подсказала идею прогуляться по музею.

У входа в египетский отдел музея их встретил сам глава Фонда исследования Египта. За его спиной, в глубине первого зала, угадывались очертания каменных саркофагов, изваяния богов и огромная голова от статуи Аменхотепа. Ван Хельсинг отрицательно покачал головой на невысказанный вопрос лорда, и тот, удовлетворенный, точнее, обрадованный этим ответом, лично показал дамам самые дорогие экспонаты из коллекции, после чего леди Дарнем, разочарованная невзрачным обликом черепков и клинописных табличек, захотела осмотреть греческие амфоры. С непередаваемым выражением на лице лорд Дарнем увел ее.

– Мисс Адлер, – сказал Ван Хельсинг лорду Гамильтону, – давно интересуется археологией, но не парадной ее стороной, прочно закрепленной на подставке и укрытой стеклянным колпаком, а, так сказать, археологией в первоисточнике.

Мисс Адлер, в первый момент безмерно удивленная, кивнула и улыбнулась самой обворожительной своей улыбкой.

Лорд Гамильтон немедленно пригласил ее в святая святых музея – хранилище, куда допускались лишь избранные. Спускаясь по служебной лестнице в подвал, Ирен незаметно пожала руку Ван Хельсинга.

Огромное холодное помещение состояло будто бы только из стеллажей, ящиков, коробок и полок.

Фараон Джеммураби, вернее, его мумия с аккуратно снятыми бинтами, во всей красе возлежал на столе и приковывал к себе взгляды. Не сказать, чтобы его размеры были внушительными, напротив, при жизни это был невысокий мужчина, а после смерти, выпотрошенный и высушенный, вовсе стал размером с ребенка. На том, что осталось от лица, застыла презрительная гримаса, подбородок надменно вздернут, руки с крючковатыми пальцами скрещены на груди. Чтобы скрыть отвращение, Ирен с преувеличенным любопытством стала рассматривать крышку саркофага, стоявшего неподалеку от стола, – на крышке и стенках частично сохранился узор, рисующий, вероятно, посмертный путь фараона и ожидающий его удел. Ван Хельсинг в это время вполголоса разговаривал с лордом Гамильтоном.

– Стало быть, – сказал лорд, получив от профессора папку с бумагами и теребя кончики страниц, – вы точно установили невозможность...

– Сударь, – мягко ответил Ван Хельсинг, – я провел надлежащие анализы со всем тщанием. Могу вас заверить, у многоуважаемого фараона нет ни малейшего шанса когда-либо вдохнуть снова полной грудью, скушать на обед свое любимое блюдо или удовлетворить какие-либо физиологические потребности. Он мертв, мертв так давно, что и говорить здесь не о чем.

С каждым словом профессора улыбка на лице лорда Гамильтона становилась все шире и шире, а к концу речи и вовсе растянулась до ушей.

– Ну, а с юридической точки зрения? – решил он убедиться окончательно.

– Я привез вам бумаги, которые подготовил мой помощник. В них рассмотрено несколько прецедентов и приведены статьи закона... – лорд Гамильтон прервал его, схватив поспешно всю пачку бумаг, и метнулся к Ирен. Он бережно перехватил из ее тонких пальцев какой-то, видимо, особенно дорогой его сердцу черепок и вернул в коробку, в компанию совершенно идентичных по форме, размеру и цвету образцов.

– Я бы рекомендовал, – сказал лорд, когда Ирен, словно уличенная в краже пастилы примерная девочка, покраснела и потупилась, – не прикасаться к экспонатам. Проклятье гробниц, моя дорогая, – поспешно добавил он, видя смущение гостя, – вещь не совсем научная, но исключать ее не следует, верно, профессор?

Ван Хельсинг, который во время исследования мумии давно уже детально рассмотрел и ощупал наиболее интересные с его точки зрения черепки, кивнул, пряча улыбку.

Чтобы загладить неловкость, лорд Гамильтон предложил Ирен посмотреть на экспонаты, которые в скором времени предстанут перед широкой публикой в отделе древностей Передней Азии. Каменные панели из дворцов ассирийских царей, предметы отправления культа древних шумеров, прекрасно сохранившиеся клинописные таблички двадцатидвухвековой давности. Раскопки – сложное дело, очень редко из земли извлекаются целые предметы, почти все находки нуждаются в реставрации. Иногда приходится ломать голову, пытаюсь понять, для чего предназначена та или иная вещь, или что означает цепочка непонятных символов – текст ли это, и тогда – как его перевести, или же просто декоративный орнамент.

Гордостью экспозиции должна была стать прелестная статуэтка крылатого горного козла, выполненная из дерева и окованная тонким золотым листом. Золотой козел восхитил Ирен, и лорд Гамильтон был немедленно прощен за свою бестактность.

По возвращении в египетский отдел лорд Гамильтон нашел лорда Дарнема, и оба египтолога, перебивая друг друга, начали рассказывать о найденных недавно папирусах, содержащих любовную переписку некоего жреца с неустановленным адресатом. Леди Дарнем с видом великомученицы крепко держала мужа под руку, а Ван Хельсинг внимательно слушал – но не лекцию по Новому царству, а то, что говорила ему Ирен Адлер.

– Видите ли, профессор... – начала она. – Боже, я уподобляюсь английским кумушкам, которые дня не могут прожить без свежей сплетни...

– Ну-ну, моя дорогая мисс Адлер, – похлопал ее по руке Ван Хельсинг. – Как это говорят у вас в Америке? Своему доктору и своему адвокату следует говорить все без утайки?

– Вы правы, – вздохнула Ирен. – Помните, я высказывала опасения касательно нашего трансильванского гостя, и вы советовали мне избегать его? – Ван Хельсинг кивнул. – Так вот, теперь я снова беспокоюсь из-за него. Вернее, за него. Мне кажется, граф... немного увлечен мистером Дорианом Греем. Вам должно быть знакомо это имя.

– Крайне смутно.

– Репутация мистера Грея. Его не принимают в некоторых домах. Говорят, лорд Эджуорт демонстративно покинул клуб, когда мистер Грей там появился...

– Я не слишком сведущ в тонкостях этикета в высшем свете, – покаялся профессор. – Но допускаю, что в обществе курсируют самые разнообразные слухи, и некоторые из них даже

имеют под собой основание. Так значит, наш юный... хотя, конечно, слово «юный» вряд ли можно применить по отношению к носферату...

– Мне кажется, что он и в самом деле еще очень молод, – вдруг улыбнулась Ирен. – Возможно, в своей невероятно долгой жизни эти создания и взрослеют дольше. Граф ничем не отличается от прочих светских молодых нахалов, разве что демонстрирует еще большую развязность – но ему все прощают, поддаваясь очарованию. Простите. Граф определенно увлекся мистером Греем. И, учитывая репутацию последнего, я опасюсь...

– ...Как бы не вышло беды, – закончил за нее Ван Хельсинг. – Благодарю вас, мисс Адлер, я все приму к сведению все.

– Спасибо, профессор. – Ирен сжала на секунду его пальцы. Затем произнесла уже другим, более веселым тоном: – Скажите, на каком языке говорят в Трансильвании?

– Насколько мне известно, там используется какой-то диалект румынского.

– Вы говорите на нем?

– Увы, сударыня, с румынским языком я знаком лишь поверхностно. Вам необходимо что-то перевести? Я знаю нескольких весьма достойных специалистов, стоит только написать им...

– Нет-нет, – поспешно сказала Ирен, – не надо специалистов. Я только хотела узнать... Скажите, а много ли в румынском языке заимствованных слов?

– Равно как и в других языках. Разумеется, это латынь, кроме того, греческий, а также русский, еще французский и немецкий...

– Быть может... быть может, вы знаете... Есть ли какое-то слово в тамошнем языке, которое было бы созвучно английскому слову «ванна»?

Ван Хельсинг удивленно поднял брови.

– Боюсь, что никакого... разве что... постойте... – Он потер переносицу. – Паром. Да-да, некое отдаленное созвучие имеется...

Ирен вздохнула. Вряд ли граф имел в виду именно это... А если так – боже правый, какой оригинальный вампир!..

Глава 6. Столкновение

Последний вечер осени был сырым и промозглым. Дул северо-западный ветер, так и норовя забраться за шиворот и в рукава пальто, с неба непрестанно сыпался не то мгновенно тающий снег, не то мелкий дождь. В такую погоду легче всего впасть в грех уныния.

Карета петляла по уайтчепелским переулкам, узким и похожим один на другой. Мелькала бесконечная череда домов, из-за дождя и сумерек казалось, что с них стекает грязная серая краска. Дориан Грей, взглядевшись в стрелки часов и подсчитав оставшееся до назначенной встречи время, высунулся в окно и приказал вознице ехать быстрее, тот стегнул кнутом по лошадиным бокам.

Сюда, в Ист-Энд, Грей навещал частенько, как и в былые годы. В молодости он стремился познать все, и самого себя в том числе, набраться впечатлений и разнообразить опыт. Теперь же он и сам не знал, что потерял и чего никак не может найти среди убогих домишек и грязных прохожих. Чтобы не видеть унылый пейзаж, Грей плотно зажмурился и принялся мысленно декламировать из Данте: «...облагородить душу поклонением красоте». Вскоре незаметно для себя он задремал, а когда вновь открыл глаза, за окном кареты уже проплывал пышный неоготический фасад Черинг-Кросс. Небо затянули тяжелые свинцовые тучи, дождь усилился. Менее чем через две четверти часа Дориан Грей уже был на месте.

Магазин, принадлежавший семейству Локхедов уже пятое поколение, располагался на Олд-Бонд-стрит в ряду прочих богатых антикварных лавок. Переступив порог, посетители словно попадали в пещеру Али-Бабы и сорока разбойников: старинные книги и картины на кирпичных стенах, полированные зеркала и вычурные подсвечники, статуэтки и курильницы, дамские безделушки и посуда. Все это разнообразие освещалось мягким сиянием масляных ламп и сверкало. Владельцу не составляло труда обеспечить более современное освещение, но это означало пожертвовать неповторимым уютом магазина, что, разумеется, было неприемлемо. В магазине мистера Джейкоба Локхеда посетители искали не только вещи, но и – что было куда важнее – ощущения.

– Сюда, мистер Грей, проходите, – сказал антиквар, представительный мужчина с едва тронутыми сединами висками, открывая дверь, столь искусно запрятанную в стене, что различить ее мог лишь человек с орлиным зрением.

Дориан Грей жестом велел слуге ждать его на улице, а сам последовал за хозяином магазина за потайную дверь, вниз по ступенькам, ведущим в святая святых самого влиятельного лондонского антиквара.

Коллекционирование – невинная страсть джентльмена, хобби, временами дорогое, но замечательно подчеркивающее характер обладателя коллекции, будь то курительные трубки, полотна великих живописцев или сокровища империй, познавших свой золотой век и пришедших в упадок задолго до рождения Христа. Ценность их была невероятна: ведь, помимо драгоценных материалов и мастерства художников, они несли на себе еще и печать времени. А каждый уважающий себя коллекционер непременно рано или поздно переступал порог магазина мистера Локхеда, наследника старинной династии антикваров и лучшего эксперта по древним реликвиям. Его ценили не только за глубокие познания, но и за особое умение ладить с кем угодно, за удивительную способность отыскивать и предлагать вещи прекрасные, уникальные и идеально соответствующие настроениям клиентов.

Знатоку искусства хватало двух-трех взглядов, чтобы понять: особой ценности предметы в первой комнате не представляли. Здесь можно было купить старый натюрморт, серебряную табакерку или нефритовую шпильку, которая украсит прическу прекрасной леди, искренне порадоваться удачной покупке и поспешить дальше. Тем же, чьи знания были глубже, а финан-

совые возможности – шире, кланялся смуглый тонколицый слуга, пропуская во вторую комнату.

Слуг в магазине было всего двое: похожие, как близнецы, одетые в яркие восточные наряды, скрывающие их среди окружающего богатства, как пестрое оперение делает райских птиц незаметными среди тропической зелени. Молчаливые, исполнительные, полностью преданные Джейкобу Локхеду, равно готовые услужливо подать очередной раритет из Долины Царей и убить любого, вставшего на пути их хозяина. За последние десять лет лишь один раз магазин пытались ограбить, и участь, постигшая преступников, была столь ужасна, что попытки не повторялись.

Немногие могли себе позволить регулярно посещать вторую комнату, и все же не там хранились настоящие сокровища. Единицам был открыт вход в третью, скрытую за потайной дверью под трехсотлетним гобеленом. По ступенькам спускались всегда двое: покупатель и хозяин.

Последняя комната была невелика и просто обставлена. Почти всю ее занимали два закрытых шкафа и стол, покрытый темной скатертью. В одном шкафу обычно хранились вещи, отложенные для доверенных покупателей, во втором – вещи, чьи возраст, происхождение и назначение пока оставались неизвестными: они ждали своего часа, пока их оценят.

Временами Локхед демонстрировал и несколько образцов из своей личной коллекции подделок. Не всяких, но таких, что сами могли соперничать в мастерстве изготовления с подлинниками. Несколько картин великих творцов Ренессанса, китайская ваза пятнадцатого века – искусная подделка под век десятый, и жемчужина собрания – тиара царя скифов, признанная подлинной десятком специалистов. С мастером, изготовившим ее, мистер Локхед состоял в постоянной переписке.

Сейчас на столе стоял только один предмет: круглая бронзовая чаша. По ее стенкам летели навстречу друг другу драконы. Каждая чешуйка на гибком драконьем теле имела собственную форму, развевались длинные усы, сверкали когти, кривились жуткие морды показной угрозой, ведь раскосые глаза были полны веселья. Чудо-звери не собирались сражаться, они играли друг с другом среди стихий, переплетений побегов и цветов, сорванных не то ветром, не то бурным течением. Блеск очередного шедевра Фаберже не мог сравниться с двумя тысячами лет истории, воплощенными в танце драконов.

Перевернув чашу, на доньшке можно было разобрать несколько иероглифов – клеймо мастера. Непонятные значки или набор странно звучащих для английского уха звуков, и больше ничего.

– Она прекрасна, – сказал Дориан Грей, нежно касаясь орнамента кончиками пальцев. – Почему вы раньше не показывали мне ничего подобного?

Антиквар улыбнулся:

– Лишь потому, что ничего подобного еще не бывало в моей коллекции. И конечно, подобного нет во всей Англии.

– Это мне походит, – кивнул Грей. – Бронза. Не серебро, не золото... Но удивительное мастерство обработки для такой древности. Чем-нибудь еще она знаменита?

– Возможно, – сказал хозяин магазина, приближаясь. Обычно он предпочитал стоять позади и немного в стороне от клиента, занятого очередной диковинкой. Не вмешивался и не пытался расхвалить свой товар, как делают мелкие лавочники, отвечал лишь на вопросы, всегда безошибочно улавливая тот миг, когда покупатель поддастся желанию обладать той или иной вещью.

Принадлежащая Грею коллекция могла сделать честь даже королевскому музею, а ее стоимость затруднился бы определить и сам Джейкоб Локхед. Для него вкусы одного из лучших клиентов стали своего рода профессиональным вызовом. Дориан Грей собирал вещи, на первый взгляд, бессистемно: металл, камень, Восток, Запад, Юг, экспонаты возрастом в несколько

тысяч лет – и почти новоделы. Но все они были удивительно красивы. Казалось, Грей был одержим погоней за этой неподвластной времени красотой.

– Ее привезли из богом забытого места в Китае, затерянного храма, где остался служить единственный монах, – антиквар взял предмет и поставил на ладонь левой руки, становясь похожим сам на старинную скульптуру. Его бархатный голос звучал негромко, ровно настолько, сколько было необходимо, чтобы завладеть вниманием слушателя. – Храм был беден, почти ничего, достойного внимания, кроме этой чаши. Неизвестно, как могла там очутиться столь прекрасная и ценная вещь, но монах пытался защитить ее даже ценой собственной жизни, хотя его отчаянные усилия оказались тщетны. Этот экземпляр не разочарует коллекционера.

– Не стоит избегать разочарования. Оно бывает полезно, – тихо ответил Грей. – Разочарование позволяет сберечь время и душевные силы, не растрчивая на то, что их не достойно.

– Если взять чашу в руки, можно ощутить одновременно и холод, и тепло, – сказал Локхед. – А если налить в нее чистой воды – через минуту вода закипит, но при этом металл не нагреется.

– Это правда?

– Желаете небольшой эксперимент?

Грей покачал головой, давая понять, что воздержится от этого опыта.

– Зрелище на самом деле презанятнейшее, – произнес хозяин. – Представьте себе, как затихает прозрачная вода, и ее ровная поверхность становится идеально чистым зеркалом. А потом со дна срывается серебристый пузырек, стремительно всплывает и лопается, за ним следует второй, третий, их становится все больше... Проходит несколько мгновений, и вода бурно кипит. Поневоле представляется, как раскаленный орнамент причиняет мучительную боль плоти, но ладонь не ощутит ничего, кроме разве что легкого покалывания. И стоит поставить чашу на стол, это явление мгновенно прекращается и более не повторится, даже если снова взять ее в руки.

Губы Грея чуть дрогнули.

– Занятный фокус, но в чем его смысл?

– Боюсь, что и это неизвестно, – ответил антиквар. – Некоторые считают, что это часть ритуала общения с духами, не в новомодном стиле столоверчения, но в древнем, тайном и запретном. Прежние владельцы не успели рассказать о предназначении этой вещи, – закончил он со смешком.

Немногие понимали смысл шутки, а узнававшие случайно предпочитали о нем забыть. Сокровища покоренных империй, попадавшие в руки Джейкоба Локхеда, человека со связями среди богатейших людей, равно как и со знакомствами среди обитателей преступного мира, оставляли за собой длинный кровавый след.

– Я беру ее, – сказал Грей, еще раз касаясь чаши. – Распорядитесь о доставке.

Цена могла бы повергнуть в уныние даже принца Уэльского. Дориан Грей лишь коротко кивнул, соглашаясь.

Таков был круг клиентов Локхеда: все они знали о цене, и все были готовы платить. Никто не унижался до торга.

...Похолодало, и мелкие морозящие дождевые капли сменились редкими снежинками. Одна коснулась мраморной кожи Дориана Грея, замерев на миг, прежде чем растаять.

Слуга, невысокий коренастый мужчина, чьи возраст и внешность было сложно различить из-за густо покрывающей щеки растительности, распахнул дверцу экипажа. Грей сделал шаг, чтобы подняться, но остановился на полпути – рука со скрюченными пальцами вцепилась в рукав его пальто. За такую переходящую все границы наглость слуга был достоин немедленного увольнения с занесением во все возможные черные списки, но Грей лишь одарил его вопросительным взглядом.

– Опасность рядом, – сказал тот. – Стригой.

– Я не знаю этого слова, – равнодушно пожал плечами его хозяин. – Ты справишься?

Слуга тихо зарычал. Грей кивнул.

– Ты понадобись мне через час. – Усевшись в свой экипаж, он велел: – Домой.

Слуга подождал, пока карета скроется с глаз за поворотом, а потом неторопливо направился в противоположную сторону. Как и на многих улицах Лондона, свернув с Олд-Бонд-Стрит, можно было всего за несколько шагов оказаться совершенно в другом мире, скрывшись от любых наблюдателей.

Он побежал, сначала неторопливо, разогревая мускулы после долгой неподвижности, потом все быстрее. Сильно оттолкнувшись от земли ногами, он приземлился на ладони, перекувыркнулся через голову – и дальше по темному пустынному переулку понесся огромный лохматый зверь, напоминающий пса.

* * *

Поздний вечер в Лондоне – все равно что ночь. Окна плотно закрыты ставнями, снаружи ни души, даже завсегдагаи пабов успели вернуться домой. Падает снег, несильный, вряд ли покроет мостовую хотя бы на пару дюймов, вокруг пустынно, словно на окраине, а не на Питер-стрит. Тишину нарушают только шаги одинокого прохожего.

Сорвавшийся порыв ветра на миг проник под пальто, заставив Ника Ловкача поежиться и пожалеть о решении пройти отделявшие от дома полторы мили пешком.

День выдался прекрасным даже по меркам удачливого и опытного, несмотря на юный возраст, вора, приятно утяжелил карманы. Как бы самому не стать жертвой не столь успешных коллег, усмехнулся про себя Ник, и тут же отбросил эту глупую мысль: в этих охотничьих уголках не было равного ему хищника. Нику нравилось ощущать себя царем здешних джунглей, пробегая по известным с детства переулкам и ступая по широким дорогам. Особенно в такой прекрасный и тихий вечер. Откуда только взялся этот ветер?

Ловкач натянул шляпу на уши и поднял воротник пальто, сделал еще несколько шагов и остановился: ветер стих так же внезапно, как возник, воздух замер, превращаясь в вязкий кокон. В ушах зашумело, и Ник тряхнул головой, отгоняя неприятное ощущение: он гордился своим отменным здоровьем, благодаря которому пережил не одну голодную и холодную зиму, когда промышлял мелкими карманными кражами в компании таких же, как он, сирот. До шестнадцати дожили всего трое...

– Иди сюда...

Действительно ли он услышал донесшийся издали голос, или ему почудилось? По всему выходило второе.

Постояв еще с минуту и прислушиваясь, он решил продолжить путь, а туманные мысли и голоса отбросить прочь: Ловкач был сугубым материалистом, благодаря чему не только выжил, но даже сумел обеспечить себе сносное существование. Поправив шляпу, он решительно направился к перекрестку с Бервик. Должно быть, именно оттуда вышел еще один поздний прохожий. Шел он не торопясь, то и дело крутя головой направо и налево – точно деревенщина, впервые оказавшаяся в большом городе. Или иностранец, который каждый камень рассматривает, все ему в новинку, разве только рот не разевает. А может, и разевает, не разобрав пока.

Иностранцев Ловкач любил, особенно тех, кто в Лондон приезжал впервые. Их было очень легко избавлять от ненужных вещей (вещь, недостаточно надежно спрятанная, явно не очень нужна), прежде чем те научатся бдительности.

Незнакомец тем временем достаточно приблизился. Ловкач только присвистнул: молодой, блондинистый, расфуфыренный, на вид не старше его самого, и, несмотря на морозную

погоду, разгуливает без шляпы. Волосы длинные, как у девицы, но вряд ли помогут защититься от снега – зачесаны назад и стянуты у затылка, видать, чтобы уши обмораживать было удобнее. А вместо приличного пальто – длинный черный плащ, будто прямо из Оперы.

Театральную публику Ловкач тоже любил, в особенности за привычку наряжаться и нацеплять украшения, а потом тарашиться на сцену, забывая обо всем. Может, и впрямь ехал из театра домой да решил выйти-прогуляться?

Если иностранец, точно ищет какой-нибудь исторический камень – судя по рассказам одного ученого типа, за которым Ловкач как-то шел целую милю, прежде чем выдался удобный момент, в Лондоне плюнуть некуда, чтобы не угодить в реликвию. Жаль только, что с точки зрения ценности в монетах – совершенно бесполезную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.